

ТАКИЕ
СМЕШНЫЕ
ЖЕНЩИНЫ



Маргарита ЮЖИНА



Дама
непреклонного
возраста



Маргарита Южина

Дама непреклонного возраста

«Маргарита Южина»

2006

Южина М. Э.

Дама непреклонного возраста / М. Э. Южина — «Маргарита Южина», 2006

Как там у классика: кто деньги украл, тот и старушку пришил. Сыщица Зина Корытская об этом не сразу догадалась. А ведь весь театр нестандартной моды «Я не такая!» содрогнулся после таинственной гибели престарелой модели. Надо немедленно выходить на след преступника. Но как? Все Зине только вредят – а ведь должны помогать следствию! Может, все эти тощие, горбатые, пузатые нестандартные модели – целая банда?..

© Южина М. Э., 2006

© Маргарита Южина, 2006

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Маргарита ЮЖИНА

ДАМА НЕПРЕКЛОННОГО ВОЗРАСТА

Глава 1

Шалости быка-маньяка

Все дороги ведут в ресторан. По крайней мере Зинаиду Корытскую, молодую особу сорока с лишним лет, которая не один год проработала официанткой. Правда, недавно ее изгнали с места работы – новый директор не вынес высокого профессионализма Зинаиды, ее зычного голоса и яркой мужественной красоты. Ну да она и сама с ним не стала бы работать. Плешивый индюк! Набрал молоденьких клуш, а работать они так, как Зинаида, ха-ха! никогда не научатся. Как бы там ни было, Корытская бросила директора вместе с рестораном на произвол их безрадостной судьбы и теперь подыскивала работу. Конечно же, в ресторане, потому что больше она ничего не умела. Поэтому сейчас она и сидела со своей всеведущей подружкой Нюрочкой Тюриной в кафе «Французская лягушка», обряженная в ярко-красное платье с блестками, и терпеливо пыталась настроить ту на нужную волну. Нюрочка с волны все время соскакивала, на тему безработицы говорить не желала, а все время щебетала про своих многочисленных поклонников и одержимо жевала курицу. К слову сказать, Тюрина Нюра любила себя баловать, и единственное, чего у нее никогда не водилось, так это мужа. Этим и объяснялся ее речевой энурез по поводу поклонников.

– Нюр, немедленно брось курицу! Нам с этой порцией еще весь вечер сидеть, думай давай, куда мне устроиться? – толкала Зинаида подругу в бок. – Вспомни, у тебя же полгорода знакомых! Не может быть, чтобы кому-нибудь не пригодилась мудрая официантка за щедрую плату!

Нюрка старательно пыталась наколоть на вилку куриную шею, но скользкий продукт никак не подцеплялся, а от тычков Зинаиды и вовсе в конце концов выскочил из тарелки. Это выглядело крайне неэстетично, оттого Нюрка разозлилась:

– Ой, Зинк! Какая из тебя официантка? Не сходи с ума! У тебя же ни кожи, ни рожи, прости господи... Ой, Зин, я в хорошем смысле этого слова, – поняла, что зарвалась, подруга и тут же, забыв про курицу, защебетала: – Ну, ты же не девочка, чтобы перед клиентами титки на подносе носить... Кста-а-ати! Я тебе не рассказывала про своего Шурика? Нет? Сейчас сразу насмерть. Это отпа-а-ад! Представь – такой весь из себя красивый, высшее образование, а вот так передо мной на колени упал и говорит: «Коварная! Зачем вы мне лгали, что вам тридцать? Вам еще нет двадцати! Сожгите меня своей любовью! Сожгите!» Представь!

– Так может, он уже старенький, в крематорий просился? – думая о своем, ляпнула Зинаида.

– Ты чо, совсем?! – обиженно выпучилась Нюрка. – Он только из армии пришел! Еще даже лысый весь, обрасти не успел, у него по всей спине наколки армейские: «Хлеба и напиль-ник!» Знаешь, какой горячий!

Зинаида была настолько обеспокоена своими проблемами, что нарушила святое правило: все, что говорила подруга, требовалось принимать всерьез, восхищенно ахать, хвататься за щеки, завистливо щурить глаза и не предавать ни малейшему сомнению. Лучше всего ненадолго отправиться в обморок от удивления, потому что, только «сразив насмерть», Нюрка могла выслушать других и даже иногда помогала по мере возможностей. А возможности у Тюриной были богатые. Когда-то, в молодые годы, она вместе с Зинаидой работала в ресторане, но вовремя перескочила в валютный ресторан. В период издевательств над рублем,

то есть стремительного взлета доллара, Тюрина немало повертелась: где-то чем-то торганула, где-то что-то вложила и теперь давно уже считалась очень состоятельной дамой. Правда, как было уже сказано, незамужней. Отчего-то никакие деньги не могли приклеить к Тюриной мужиков больше, чем на два дня. Отсюда и появлялись восторженные байки про Шуриков (Юриков, Вадиков, Толиков и пр.), которые упрямо не хотели давать сорокапятилетней шалунье «больше двадцати». Слушать байки необходимо было с раскрытым ртом. Однако сегодня Зинаида поступила не по-товарищески – вероломно нарушила правила игры. Ее счастье, что она вовремя спохватилась:

– Подожди-ка, Нюра! Что ты говоришь? Лысый? С наколками? Тогда это непременно дипломат какой-нибудь, уж поверь мне, – догадалась округлить глаза Зинаида. – Или даже нет, не дипломат. Нефтяной магнат! Они все стригутся налысо, чтобы ум просвечивал. Честно тебе говорю, по телевизору рассказывали, к нам какого-то магната в город наводнением занесло... И что, так прямо на коленях и ползал? Ну, еще бы! Понимал, паразит, что у тебя квартира в центре города! А цветами не обсыпал? А замуж звал? А ты что?

Нюрка успокоилась – Зинаида в очередной раз была сломлена красотой подруги, поэтому можно было расслабиться. Она забыла про тарелку с курицей, вытянула ноги в хорошеньких замшевых сапожках, блеснула перстеньком и затынулась сигареткой:

– Ой, ну конечно же обсыпал, и замуж звал, и в ресторан водил... Кстати, а что ты там про работу спрашивала? Не можешь устроиться, что ли? Официанткой, что ли, опять собралась? И не надоело тебе на чаевые жить?

Зинаида фыркнула:

– Нет, ну ты молодец! А на что жить-то? У меня же нет залежей в банке. И директором меня никто не приглашает. – Она возмущенно поправила на груди платье, чтобы посильнее сияло, и надула губы. – Даже официанткой не берут, говорят – возраст. Прошу же, нажми на своих знакомых!

– Ой, да на кого там жать... – брыкнув ножкой, отмахнулась Нюрка. – Все уже отжаты на сто рядов... Хотя...

И вот в тот самый миг, когда Тюрина уже созрела для дружеской поддержки, к столику к дамам нетвердой походкой подрулил неизвестный субъект. Субъект был мужского полу, благородного пенсионного возраста, в ярко-зеленом клетчатом пиджаке и с темными очками на сизом носу. Вероятно, его притянул к столу блеск Зининого платья.

– Деву-шки! – качнулся субъект и грохнулся на свободный стул. – П-позвольте вам от... отпустить комплимент! Вот вам! – Он ткнул острым пальцем прямо в сияющую грудь Зинаиды.

– Ой, шли бы вы, честное слово, с комплиментами... – шибанула его по рукам Зинаида и снова уставилась на подругу. – Нюр, ну кому ты там позвонить хотела? Вот так надо, так надо...

Субъект в зеленом бурно вознегодовал от такого невнимания. Он щелкнул пальцами и заверещал на весь небольшой зальчик «Французской лягушки»:

– Человек! Челове-е-к! Про... попрошу ваше фирменное блюдо! Французскую лягушку! Девоч-чки, не суетитесь, все за мой счет!

«Девочки» вытаращили глаза, а незванный гость вальяжно вынул из клетчатого кармана новенький толстенький бумажник и уткнулся в него черными очками.

– Нюр, ну чего ты в этого глухаря вперилась? Давай звони, людям нужны официанты, у тебя же есть мобильник, – опомнилась Зинаида и снова прицепилась к подруге. – Я бы прямо завтра устраиваться и начала.

Но Тюрина уже забыла про все мобильники на свете, в ее глазах отчетливо горело: «Внимание, мужчина! Ничей!» Вернее, глаза у нее сделались игривыми, лукавыми и, как пишется в газетах, многообещающими. Она просто обливала неожиданного кавалера своими чарами и обаянием. Однако кавалер так увлекся собственным бумажником, что на некоторое время забыл, с кем находится.

– Манька, стервь! Опять по карманам лазила?! – буйно вскрикнул он, треснул по столу кулаком и снова обнаружил незнакомых дам. – Де-вочки-и-и! Эт вы по... вызову, что ль? Обсс... крх... обсс... обосс... Обслужить... – Затем долгожитель бормотнул что-то еще и вдруг выдал: – Ах! Обслужить меня несложно... сам обслужива... юсь, гад!

Зинаида собралась было прямо за шкурку выкинуть ухажера из-за столика, но Нюрка неожиданно клюнула ей в ухо и зашептала:

– Ты это, Зин... ты бы шла домой, а? Времени уже черт-те сколько, а тебе ведь еще добираться! Иди давай, ну!

– А... а как же работа? – вытаращилась на нее Зинаида.

– Ну, чего работа, чего работа? – зашипела Нюрка, запихивая в сумку подруги недоеденную курицу прямо вместе с тарелкой. – Ты мне сказала, я подумаю. Я же не буду сейчас, из ресторана звонить, записную книжку надо полистать. Ну, иди давай... Вот ведь не сдвинешь ее! Еще в платье этом, как стоп-сигнал прям... Так вы говорите, что я мечта всей вашей жизни? – уже вглядывалась Нюрка сквозь темные очки престарелого ловеласа. – Не спа-а-ать, не спать за столом! На даму смотреть!

Зинаида все же не решалась оставить подругу одну в кафе, тем более с таким подозрительным господином.

– А... а этого куда? – снова вошла она в медовую беседу Нюрки и кивнула на мужчину. – Может, охрану вызвать?

Нюрка сделала страшные глаза и зашипела еще ожесточеннее:

– Ты чо, больная?! Он тебе мешает, что ли?! Ты не слышала – человек лягушку заказал. Могу я себе позволить съесть жабу на пару с приятным мужчиной? Ну чо ты сидишь, я не понимаю! Иди, говорят же тебе!

Зинаида глубоко вздохнула и поднялась. Она хотела испепелить подругу презрительным взглядом, однако та на нее уже не смотрела, а снова заглядывала в очи пенсионера и бессовестно царапала ноготком его узловатые пальцы: «Нет уж, вы не засыпайте, вы хотели сказать комплиме-е-ент! Повторяйте: ваши глаза, Нюрочка, как изумруды...» Можно было только надеяться, что Нюрка и в самом деле полистает дома записную книжку.

Зинаида звучно фыркнула, ее благополучно никто не заметил, и ей только и оставалось, что гордо пройти в гардероб за курткой.

На улице угасало бабье лето. Дни еще стояли теплые, но ночи уже пугали холодом. Однако куртку надевать не хотелось. Не из-за жары, конечно, а просто потому, что серая толстая курточка слабо гармонировала с длинным и узким платьем, которое при свете фонарей сверкало как-то особенно крикливо и вызывающе.

– А, – махнула рукой Зинаида. – Поймаю машину, а там уже и куртку надену.

Она вышла на середину дороги и изящно, точно балерина в «Лебедином озере», выгнула руку коромыслом. В этой «лебединой» позе она простояла добрых двадцать минут – машин не наблюдалось. Еще не было и полуночи, им бы ездить да ездить, но автомобили сегодня как вымерли.

– И потянуло меня в эту «Лягушку»! Надо было в центре что-нибудь выбрать... Вот всегда так: выпадет какая-нибудь деталька из мозгов, мелочь не продумаешь, а потом мучаешься...

Зинаида лукавила. Она как раз наоборот тщательно продумывала эту мелочь, и богом забытое кафе было выбрано исключительно как самое дешевое в городе. Здесь всегда была приятная музыка, очень неплохая кухня, даже и правда лягушек готовили, но находилось заведение на самой окраине города, вдалеке от дороги – с одной стороны к «Лягушке» подступал старый парк, а с другой догнивали цеха заброшенного комбината. Добираться сюда было делом непростым, легче было прийти пешком из ближайшей деревни, нежели завернуть из города на

ужин. Зинаиду это не слишком пугало – у Нюрки был свой автомобиль. Напиваться подруга не любила, вывезла бы из захолустья после ужина. А вот как вышло!

Корытская решила в последний раз махнуть рукой и уже вернуться в кафе, как на дороге откуда-то из придорожного откоса выплыло темное, бесформенное нечто – большая шевелящаяся тень. Зине поначалу показалось даже, что какой-то горе-водила толкает под зад своего железного друга до ближайшего автосервиса. Только немного позже, когда странная тень совсем приблизилась, женщина поняла: на нее двигалась заблудившаяся группа крупного рогатого скота – две молоденькие упитанные коровки и матерый здоровенный бык.

Зинаида крайне редко общалась с мясо-молочным скотом, поэтому решила на животных внимания не обращать. Она вот так и стояла – переступая ногами на высоких каблуках и плавно изгибая руку. Даже голову в сторону отвернула, дабы молодые телочки не подумали, что она может позариться на их мужчину. Группа подошла еще ближе, и тут произошло непонятное: бык вдруг пригнул голову к земле, страшно взревел и, набирая скорость, кинулся на голосующую Зинаиду.

Первое, что додумалась сделать Зина, это скинуть туфли. А потом думать было уже некогда. Инстинкт самосохранения швырнул ее в сторону от дороги, и она понеслась в темень, высоко задрав узкое платье и работая ногами, будто олимпийский спринтер. Бык не отставал. Уж неизвестно, чем его так взбесила скромная персона Зинаиды Корытской, но он явно твердо решил даму догнать, растерзать и уничтожить. И женщина смутно догадывалась о его желаниях. Она лихо мелькала между деревьев и кустов, прибавляла скорость и вроде бы даже совсем оторвалась от погони, но тут земля круто ушла вниз, Зинаида покатилась под горку, долбанулась головой о толстый ствол какой-то коряги, глухо вякнула и затихла.

Она даже не успела как следует потерять сознание, просто упала и какое-то время не двигалась, только часто, прерывисто дышала. Ступни болели так, будто она проходила практику у йога и плясала на раскаленных гвоздях, о блестящем платье можно было забыть, но, главное, от удара раскалывалась голова, и даже ныть от боли не было сил. На миг ей показалось, что быка уже нет, – так тихо было в ночном мраке. Только где-то далеко-далеко слышался звук невидимого вертолета, да в ушах гудело от непривычной физкультуры. Зинаида размякла. Тут ей вдруг отчетливо замычали прямо в ухо, и что-то холодное ткнулось в ногу.

– Мама-а-а-а! – завизжала Зинаида и поджала ноги к груди.

Бык маячил где-то вдалеке, направлялся к брошенным подружкам, а возле ног Зинаиды копошилась какая-то черная куча тряпья. Куча вытянула откуда-то руку и пыталась ухватиться за ногу Зинаиды, у нее даже остался грязный след.

– Ой-й-й-й! Боже мой, это еще что?! – отскочила от кучи женщина.

Куча снова заворочалась и издала страшный звук.

– Вот только не надо мычать, – поспешно предупредила Зинаида. – Сейчас тот крупный рогатый вернется, подумает, что я знакомого быка пригнала на разборку... Тогда мне тут и конец. Кто ты? Кто мычит-то?!

Куча не шевелилась, и Зинаида отважилась подойти ближе.

В скупом свете луны она разглядела странное существо. Скорее всего, это был человек, потому что имел две руки, две ноги, голову и даже туловище. И все эти руки-ноги были щедро измазаны грязью. Да, это был человек, но мужчина или женщина... Судя по платью, все же женщина. Платье было вызывающе коротким, с целой гирляндой рваных тряпочек, воланов и черных кружев, отчего и смотрелось кучей. Оно было напялено поверх джинсов, а вот те были мужскими. И все же... Голые руки, на спине топорщится что-то вроде горба, а большая нелепая грудь опустилась вниз, чуть не до живота... А вот голова явно принадлежала молодому парню – короткая, рваная стрижка, черты лица... Но черты лица трудно было разглядеть, так уродливо оно было раскрашено – огромный черный клоунский рот уходил к шее, все вокруг глаз черное, а изо рта... Господи! Да это кровь! И раны! На руках, на ногах...

– М-м-м-м... – снова застонал ворох тряпья.

– Ты кто? – побледнела Зинаида. – Ты как здесь? Кто тебя? Слушай! Тебя же к врачу надо! Ты лежи, я сейчас в кафе сбегаю, «Скорую», милицию...

– ...амой...

– Что ты говоришь? – наклонилась Зинаида ближе.

– Ххх, – тяжело выдохнул человек, с трудом облизал страшные губы и постарался четко произнести: – Домой. Никуда... нельзя. Домой.

Видимо, на большее у человека сил не хватило, потому что он откинулся и даже, кажется, прекратил дышать.

– Эй, ты чего? – тихо позвала неизвестного Зинаида.

Тот не отвечал. Он как-то весь обмяк и теперь вовсе не подавал признаков жизни.

– Эй, дружок! – испугалась Зина. – Ты чего это, откинуться тут решил? Ну, молодец, хорошо придумал! А я, значит, здесь одна буду, с покойником! Куда тебя домой-то? Адрес скажи! Нет, ну куда я тебя поволоку-то? Эй, парень! Девушка! Как тебя? Куда тащить-то?

Она уже чуть не плакала. Что-то подсказывало ей, что вот эта куча прямо здесь, на ее руках, сейчас переходит в мир иной.

– Да ты что? – затормошила она кучу. – Хочешь, чтобы меня по милициям затаскали? Я потом как объясню, отчего у меня такое платье рваное? Ну-ка, просыпайся!

Просыпаться несчастный не торопился. Зинаида трясла бедолагу, как грушу, пыталась поднять... Все было напрасно.

– Ну ладно, ладно... Сейчас я тебя тут оставлю, а сама позвоню в милицию. Лежи?

Она чувствовала себя почти преступницей – вот так убежать, бросить погибающего человека... Но что делать? Она одна его точно не дотащит. Сейчас она положит ему удобно голову, платице одернет...

Неожиданно рука натолкнулась на маленькую коробочку. Телефон! В кармане джинсов оказался сотовый телефон!

– Вот это другое дело, – радостно передохнула Зинаида, разглядывая гладкий аппаратик.

У нее такой тоже был, пока в автобусе из кармана не вытащили. Ну, не совсем такой, и все же... Она принялась нажимать кнопки, и наконец на экране высветилась «записная книжка».

– Так... Какой-то Паша, Валентина Петровна... Ага, вот и то, что нужно, – «дом»!

Уже через секунду она кричала в трубку невидимой женщине:

– Я не знаю, кто это! Я просто нашла человека в парке...

– Вадик! Сынок, ты где? Куда пропал? – не давала вставить слово женщина. – Вадик, это ты?!

– Я не знаю! – уже злилась Зинаида. – Я не знаю, Вадик это или нет! Я вам говорю: нашла человека, у него в кармане был телефон, и вот звоню!

– Где? Где этот человек? Где вы? – истошно кричала женщина из телефона.

– Успокойтесь. Записывайте, мы находимся... Нет, вы нас так не найдете. Вот что, подъезжайте к кафе «Французская лягушка» и медленно езжайте вдоль парка. Я вас буду ждать на дороге. Только поторопитесь!

Вероятно, женщина поняла, что кричать не время, потому что совершенно четко произнесла:

– Встречайте меня через двадцать минут. Не бросайте его, я сейчас буду.

И в трубке слышались гудки.

– Так значит, тебя, похоже, Вадиком зовут... Эх, черт, куртку я свою куда-то подевала, тебя бы укрыть сейчас...

Куртку Зина и в самом деле бросила еще тогда, когда неслась от быка. И о чем думала? Голова совсем не работала, можно же было прибежать в кафе, вытянуть Нюрку и пусть бы она

довезла парня до больницы... Зинаида посмотрела на свое ободранное платье и вздохнула. Пожалуй, теперь бы в «Лягушку» ее не пустили.

Женщина на темной «девятке» уже через пятнадцать минут затормозила возле окочевшей Зинаиды.

– Где он? – выскочила она из машины.

– Пойдемте, я вас проведу, я его... Слушайте, – подпрыгивала от холода и вдруг затормозила Зинаида. – А вы не... Татьяна! Боева, ты, что ли?!

Татьяну Боеву Зинаида Корытская знала весьма неплохо. Правда, не видела ее уже лет пятнадцать... Да нет, семнадцать, наверное. Женщина взглянула на Зинаиду и мотнула головой:

– Я. Привет, Зина. Где Вадька?

Неизвестно отчего, Зинаида страшно обрадовалась, засуетилась, стала хватать Татьяну за руки и разяснять подробности:

– Представляешь! Я тут в «Лягушке» была... Да мы с Нюркой вместе! Слушай, она сейчас та-а-акая... м-да... А потом... короче, на меня накинута бык... а я как давай убегать, а потом споткнулась, а меня за ногу кто-то хват... А я... Вот он. Твой, что ли?

Они уже подошли к человеку. Теперь он перевернулся на спину, и луна ясно освещало страшно разукрашенное лицо.

– Вадик! – крикнула Татьяна и замолчала, только глаза сощурила и прикусила губу.

Парень приоткрыл глаза.

– Тань! Ну, чего ты столбом встала? – толкнула знакомую Зинаида. – Парня в больницу везти надо, а ты как замороженная!

Татьяна швырнула носом, содрала платье с паренька, вместе с нарядом отвалились и горб, и огромная грудь, а вместо этого обернула Вадика в свою замшевую куртку.

– Зин, он не дойдет, помоги, а? Только подожди, я машину прямо сюда подгоню.

Парня осторожно уложили на заднее сиденье, и Татьяна кивнула:

– Садись, до города доброшу, а там уж извини, в больницу надо.

– Да-да, я понимаю... – взгромодилась Зинаида рядом с водителем. – Я там уж сама как-нибудь...

Зинаида и не помнила потом, как добралась до дома. Кажется, довез какой-то вусмерть пьяный лихач, но после того, что ей за этот вечер пришлось пережить, поездка с ним была не самым тяжким испытанием.

Несмотря на поздний час, окна в ее доме горели теплым светом, хозяйку ждали.

– Зинаида Ивановна, – встретила ее молоденькая соседка Юля прямо у порога. – Я Мурзика кормила, а он все равно плачет и плачет. Думаю, его надо с киской познакомить. Может, объявление в газету дать? Знаете, я читала, столько кисок себя предлагают... Ой, у вас такой вид... вы так всклочены... – Девчонка мгновенно сделалась траурно-торжественной. – Я полагаю, у вас серьезные жизненные перемены. Мне ничего не надо рассказывать, я все вижу, как рентген. Вас изнасиловали!

Зинаида чуть не наступила на любимого кота от Юлькиных выводов.

– Юля! – свекольно зарделась она. – Сколько тебе раз говорить – даже не надейся! Да кто б решился? Это я...

– Понимаю! Тогда, значит, вы немного напились и буянили. А где ваша куртка? Ага! Вы ею дрались! – не мигая, продолжала догадываться девчонка. – Уважаю!

– Да я...

– Не надо оправдываться! В вашем возрасте такое поведение – это супер! – трянула гладкими волнами прически Юлька и добавила: – Я бы на такое никогда не отважилась. А я борщ сварила, непременно угощайтесь! Прямо сейчас же и за стол!

– Подожди, Юлия. Я немножко в себя приду и вместе угостимся...

Зинаида подхватила халат и нырнула в ванную. Под теплыми струями она постаралась успокоиться и о происшествии не думать. Правда, появилось неуютное чувство: а вдруг парень не выживет, и Татьяна, хоть и давняя знакомая, подумает про Зинаиду черт-те что? Кажется, она не поверила в рассказ про быка. Хотя, нет, Татьяна поверит. Она именно такой человек, который верит чему угодно. Зинаида вспомнила Боеву и невольно улыбнулась.

В первый раз судьба свела их еще десятилетними девочками, в пионерском лагере. Каждое лето мама Зиначки писала в профком заявление, и ее дочка отправлялась в летний лагерь со звучным названием «Пламя». Правда, какой-то негодяй вместо одной буквы краской написал на вывеске другую и получилось название «Племя», но на отдых это не влияло. Там же набиралась здоровья и верткая девчужка с огромными глазами – Танечка Боева. Энергия из Танечки извергалась вулканом, она была доверчива и готова отдать последнюю карамельку другу, за что ее и любили в отряде. Однако еще выше взлетел авторитет Боевой, когда в лагере объявили конкурс всех отрядов на лучшую театральную постановку. Конечно же, все ребята активно захотели стать артистами, и только Таня взяла на себя еще и функции режиссера. Наивные пионервожатые, видя, что Боева перекинула свою прыть в мирное русло, даже не совались в палату, где теперь постоянно собирались актеры и репетировали одну им известную постановку.

– Ой, не лезьте вы к ним, – отгоняли они остальных ребят от палаты. – Они готовятся к конкурсу! Будут честь нашего отряда защищать, не мешайте!

И им не мешали. Театрализованное представление решили показать в родительский день. Именно тогда, при полном собрании трепетных мам, благочестивых бабушек и растерянных отцов, грянул гром.

Нет, когда выступали первые отряды и весело скакали «Колобками», «Репками» и «Козой с семерыми козлятами», взрослые прикладывали к глазам платочки от умиления. Но когда подошла очередь их пятого отряда, произошла неприятная неожиданность.

На самодельную сцену вышла Танечка Боева, в белой форменной рубашечке и с галстуком, и звонко объявила:

– Постановка пятого отряда. Отрывок из произведения классика «Яма». О тяжелой доле проституток на русской земле.

Дальше Зинаида никогда не любила вспоминать. Она вовсе не виновата, что ей досталась видная роль. Между прочим, Боева себе вообще главную роль взяла. Да им и выступить-то толком не дали. На этом лагерно-оздоровительный сезон закончился для нее, еще для пары-тройки ребят, для Танюши Боевой, а также для пионервожатых и директора лагеря. Больше Зина в «Племя» не ездила.

Вторично с Боевой они встретились уже в ресторане «Летающая тарелка», когда им обоим катило к тридцати. И Зина, и Таня были молодыми замужними женщинами, воспитывали ребятишек, а в свободное время искали модные сапожки или вздыхали о вельветовых джинсах «Вранглер», как все тогда говорили. Зинаида только устроилась, а Боева уже месяц работала официанткой. Они подружились и, может быть, стали бы близкими подругами, если бы... Сойтись ближе они просто не успели.

В один из праздничных вечеров банкет для своих сослуживцев заказала супруга директора ресторана – Ирина Дмитриевна. Ирина Дмитриевна была молода, капризна, зверски хороша собой и работала стюардессой. Своим скромным экипажем они и решили отметить праздник. Естественно, мужья и жены до стола допущены не были. Директор «Летающей тарелки» Игорь Семеныч свою персону жене тоже навязывать не стал, но персонал предупредил, чтобы супругу с сотоварищи обслужили по высшему классу. По высшему классу обслуживала Татьяна. Праздник шел по накатанному сценарию – сыто, пьяненько и весело. К Ирине то и дело приклеивались тощие сотрудники, вероятно, пилоты. Они тыкались слюнявыми губами

ей в шею и смачно всхрапывали. Ирина игриво дергала плечиками, наглецов не отгоняла, зато каждый раз, честно тараща глаза, обращалась к официантке Татьяна:

– Ой, эти летуны такие шалуны, право слово! Все шуточки и шуточки, хи-хи! Но мы ведь с вами знаем, нам совсем не надо об этом говорить Игорю Семенычу, мужчины ничего не понимают в юморе. Будем немногословны.

Когда она в двадцать пятый раз притянула Боеву к себе и защебетала ей в ухо про немногословность, замотанная Татьяна отмахнулась:

– Ой, да тискайтесь вы сколько угодно! Когда сам Игорь Семеныч гуляет, тут у всех баб лифчики трещат! Детей дарит направо и налево! Чего бояться-то?

На следующий день Игорь Семенович лишился семейного очага, а Татьяна Боева, автоматически, места работы. Ну, не везло человеку, хоть плачь! А что поделать, если карма такая? После Зинаида слышала, что Боева развелась и осталась одна с сыном, а потом женщины как-то перестали интересоваться друг другом. И вот тебе на! Такая встреча! С сыном Татьяны произошло несчастье, а Зинаида совсем случайно на него свалилась...

Нет, надо было непременно успокоиться. Зинаида вышла из ванной, подхватила кота, который сразу же старательно принялся урчать, и прошла в свою комнату. Расстелившись на диване, она ворчливо выговаривала Мурзику:

– И как же, Мурзон, тебе не совестно? Ты на Юльку посмотри! Кисок ему по объявлению! Ох, не слышит этого Степанида Егоровна... Забыл, как недавно жил?

Недавно, всего месяца три назад, все было по-другому. В коммуналке, где сейчас хозяйничала Зинаида, проживали тогда три семьи: Степанида Егоровна, скандальная женщина в возрасте, со своей сорокалетней дочуркой Любочкой, затем Федул Арнольдович, липовый научный работник, да она, Зинаида. Тогда ее никто не приглашал к столу и не ждал с борщами, а даже напротив – всякий из соседей старался стянуть из ее холодильника кусок пожирнее. Но дружбы это не портило, а уж что они вместе пережили... Такое происшествие тогда потрясло, страшно вспомнить, но зато все закончилось благополучно. Любочка вышла замуж и уехала в деревню, Степанида Егоровна немедленно собрала вещички и потряслась вслед за молодыми, дабы проследить, как идет строительство коттеджа. Коттедж строить так еще никто и не надумал, но пожилая женщина успокоила молодых – она-де не торопится, подождет в деревне, на молочке и сметанке. А вскоре Федул Арнольдович загремел по уголовному делу, и в его комнату Зинаида впустила квартирантов – Юлю с мужем Игорем, молодую семью. Сама же Зинаида в ходе событий обрела преданного сердечного друга – Игнатия Олеговича, между прочим, отличного хирурга, хоть и по фамилии Плюх. Правда, ни он, ни сама Зинаида ни за что бы не сознались, что испытывают друг к другу привязанность. Зинаида всегда объясняла свои наклонности тем, что «врачи – такие непредсказуемые люди, никогда не узнаешь, от чего тебя лечить надумают, хочется хоть одного изучить опытным путем». Плюх же изъяснялся проще: «Все время больные да больные... Хочется эдакой здоровой, крепкой непосредственности! Пусть даже глупости, но хочется!» Их отношения были валкими и шаткими, и неизвестно, до чего бы доразвивались, если бы Плюха не вызвали на какой-то важный симпозиум в Мюнхене. Что там будет после его возвращения, Зинаида боялась загадывать, но на всякий случай подыскивала себе работу. Нет, у нее, конечно, имелась родная дочь Настенька с мужем Сашей, ребята любили мать и заботились о ней, как могли, но Зинаиде как-то не хотелось жить исключительно их заботами, душа просила воли и независимости.

Кот заворочался и стал тыкаться в волосы хозяйки. Но, видимо, что-то его насторожило, потому что котяра демонстративно начал чихать прямо в лицо Зинаиде.

– Ну уж, знаешь, милый! – обиделась та и сбросила наглеца на пол. – Запах тебе не нравится? Да, я валялась в парке, под деревьями, в грязи. Но я уже помылась. А знаешь, что я пережила? И вообще, если бы у парня не оказалось телефона, я бы вообще до Татьяны не дозвонилась, и неизвестно, чем бы все закончилось!

Кот принципиально пялился в стену.

– А, ты не знаешь, кто такая Татьяна? – продолжала просвещать друга Зинаида. – Это моя знакомая. Мы, когда молодые были, в ресторане вместе работали – я, она, Нюрка Тюрина... Ну, ты же знаешь Нюрку! А Татьяна вместе с нами работала, официанткой. И вот это ее Вадик там в кустах оказался... Нет, а какова Нюрка! Вот сволочь! Ой, заткни уши, Мурзик. Бросила меня, вытолкала из ресторана, а всего навсего из-за какого-то старика. Прямо, даже разговаривать с ней не хочется. Нет, завтра позвоню и все выскажу!

В дверь вежливо постучали:

– Зинаида Ивановна, борщ стынет.

– Юленька, – появилась в дверях Зинаида. – Времени уже три часа ночи. И чего тебе не спится, скажи мне?

Девчонка вытаращила хорошенькие глазки и тоном классной дамы проговорила:

– Какой же сон? У меня вон сколько журналов накопилось, а еще газет купила, вырезки сделала, все проработать нужно. Кстати, я и вам журнальчики приготовила. Там статейка такая есть, как заставить мужчину жениться...

– Юля, все завтра... – вымученно улыбнулась Зинаида и, даже не попробовав борщ, удалилась отдыхать.

Статьейку Юлька притащила в семь утра.

– Зинаида Ивановна, – затарабанила она в дверь, – вам срочно нужно со статьей ознакомиться! Вдруг к вам какого мужчину занесет, а вы научно не подкованы? Зинаида Ивановна!

Зинаида высунула из приоткрытой двери заспанное лицо, выдернула из руки девчонки газету и зыркнула глазами:

– Юля! До десяти утра я не Зинаида Ивановна, а дракон! Еще раз постучишь – разорву!

Юлька испуганно поморгала глазами и убежала на кухню обиженно греметь кастрюлями. Но статейку Зинаида все-таки прочитала.

Ровно два дня она пыталась себя загрузить чем угодно, только бы отогнать неприятные мысли. На третий день ее терпение лопнуло, она подошла к телефону и набрала номер Нюрки Тюриной.

– Тюрина! – сразу ухватила она быка за рога. – Ты, конечно, о моем трудоустройстве и не вспомнила?

– Ой, а кто это? Не понимаю, кто со мной разговаривает? – загнусавила Нюрка, прекрасно понимая, кто ей звонит.

Была у нее такая манера – оттягивать время, чтобы выдумать красивую легенду.

– Ну, правильно, где тебе понять! Меня из «Лягушки» вытолкала, даже до дому не довезла... Хорошо еще, что у Таньки Боевой с сыном несчастье приключилось – так она меня докинула до города, а так бы... Меня, между прочим, бык чуть не укусил! А все из-за тебя! – выкрикивала в трубку Зинаида.

– Ой, постойте! Зина, это ты, что ли? Ну надо же, какое счастье! – воскликнула Нюрка радостно. Вероятно, легенда у нее созрела. – А я только-только хотела тебе звонить. Ты знаешь, у меня для тебя перспективная работка нашлась. Правда, не знаю, согласишься или нет...

– Чего ж я на перспективную-то не соглашусь? – сбавила обороты Зинаида. – Что за работа?

– Так санитарочкой, в поликлинике. А что? Между прочим, если немножко подучиться, то и врачом запросто можно потом...

Зинаиду перекосило.

– Нюрочка, как это ты понимаешь – на врача «немножко»?

– Ой, ну я тебя умоляю! Как я понимаю? Да обыкновенно. Вон, книжку взяла... сейчас каких угодно полно самоучителей... И работай. Ах да, тебе ж диплом нужен... Ну, знаешь, можно курсы какие-нибудь пройти.

– Все, Нюрка! Больше мне не звони! Я не буду слушать про твоих дурацких недоумков, которые от любви с балкона на дерево прыгают...

– Наоборот – с дерева на балкон, – чуть не плача поправила Нюра.

– Для мене уже неважно. Я не верю! И тебе уже никто не дает двадцать лет! Тебе даже сорока не дают, потому что тебе сорок пять!

Зинаида мстительно бросила трубку и пошла к себе. За ней молчком двинулся Мурзик, а за Мурзиком, с полной миской свежего молока, поплелась Юлька. Зинаиде сопереживали все, но от этого ей легче не становилось – работы для нее не находилось, сбережений не было, а значит, впереди ее ожидало скупое, безденежное будущее.

– Не понимаю, Зинаида Ивановна... – тихо начала Юлька. – И чего вы на этих официантках заикнулись? Вон на рынке все время продавцы требуются. И работа такая... Все время на свежем воздухе, витамины кругом, если повезет с фруктами работать. Опять же – с людьми работа, общение, положительные эмоции. У меня подружка работает, шмотки продает, так ничего, не обижается. И одета всегда, как манекен. А чего – сама поносила, продала. Куда идти приспичит – взяла костюмчик да надела, а назавтра снова притащила продавать. Не нарадуется! А вы – в официантки...

Зинаида покосилась на квартирантку – не врет ли?

– Не, ну я правду говорю! И всегда уволиться можно, если что не так! Опять же – клиента какого навороченного обсчитать, или там сдачу не дать, тоже деньги... Да вы сами посмотрите – все старушки работают!

Старушки, может, и работают, но Зинаида, во-первых, далеко не старушка, а во-вторых... а во-вторых... Хотя, впрочем, почему бы и не попробовать?

Через день она уже стояла на Колхозном рынке и трясла кроличьей шапкой:

– Шапочки! Кроличьи! Ушки закрыты, темечко в тепле, лобик закрыт! Если есть желание, и на нос можно натянуть! Шапочки! Шапочки!

Полмесяца она клоуном скакала возле своей палатки, обряженная в кривоватую клочкастую шапку местного пошива, пока ее кто-то вежливо не тронул за локоток:

– Зинаида, а я никак не могу тебя дома застать... Зиночка, сними это уродство!

Перед ней стоял Игнатий Плюх. Мужчина, с которым она планировала жить долго-долго и даже готова была умереть в один день. Она так ждала его! А он... даже не позвонил! Даже не пришел! Заявился на рынок, специально, чтобы... чтобы она вот в этой шапке перед ним... Наверное, от нервного перенапряжения у Зинаиды в голове что-то переклинило.

– Игнатий... а почему ты... а чего это тебе шапочка не нравится? – задиристо вздернула она голову. – Я бы на твоём месте купила!

– Зин, может, ты оставишь этот балаган? Поедем ко мне, посидим... Между прочим, я только позавчера вечером приехал, искал тебя, искал... Да сними ты это убожество! Мне Нюра Тюрина сказала, где тебя найти можно.

Он стоял такой ухоженный, ароматный... и совсем чуточку чужой. Раньше таким не был. Прекрасный хирург, весьма состоятельный человек, настолько увлеченный своей работой, что на остальное ему просто жалко было времени. Это Зинаида его научила одеколоном брызгаться, а вот теперь пожалуйста – Нюра ему, видишь ли, сказала... Ну, подруженька! Не женщина, а капкан для неженатых идиотов, честное слово. И ведь до чего обидно – сама же и ткнула эту подруженьку в Плюха. Но ведь у Зинаиды и в мыслях не было их сводить для сердечных интересов! Кстати, а не к нему ли Нюра хотела пристроить ее санитарочкой?

– А где, простите, вы с Нюрой виделись? – не удержалась Зинаида. – Я не из ревности любопытствую, она мне денег задолжала, а я ее поймать не могу. А вам надо же как посчастливилось: только приехали – и сразу встреча!

– Зин, ну чего ты? Я к тебе приходил, а она от тебя спускалась, там и встретились. Зин, пойдем куда-нибудь, а? – предложил Плюх и скривился. – Да сними ты это безобразие! Чего только не нацепит...

– Ну вот что! – не поверила Зинаида, слишком хорошо она знала подругу. – Вот что! Это и не безобразие вовсе! Это голова моя, ясно?! А вы... вам... я вообще... Граждане! Кому шапочку? Шапки замечательные!! Кролики!!!

– Зин... – переминался с ноги на ногу Игнатий.

Корытская уже яростно размахивала над головой уродливой шапкой, показывая, что никакие хирурги ее покой смутить не могут.

– Шапочки!!! Гражданин, вы мне своей фигурой все настроение уже испортили! Вот ведь, как прилепится такой, прям никакая торговля не идет... Граждане! Шапочки!

Плюх пожал плечами и сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее пошел прочь от Зининой палатки.

Конечно, больше работать на рынке она не могла – в тот же вечер попросила дать ей расчет. Предприимчивый хозяин насчитал такую недостачу, что на руки Зинаида получила только двести рублей. С горя неудавшаяся торговка хотела купить на две сотни томатного сока, однако одумалась и купила на все деньги рыбы Мурзику. Когда-то ей еще попадется работа, но кот страдать не должен.

Придя домой, Зинаида первым делом кинулась к телефону:

– Нюрка! – злобно зашипела она в трубку. – Ты... ты... знаешь, ты кто?

– Ой, кто это? – завела подруга знакомую песню. – Ой, не узнаю...

– Сейчас узнаешь! На фига ты сказала Плюху, что я на рынке торгую, а?! Ты что, не могла меня предупредить, что он приехал?! Знаешь... – Зинаида задохнулась от негодования, а потом в голове ее мелькнул замечательный план мести. – Знаешь, Нюрочка. Вот у нас сосед один есть... Ты его не знаешь, красавец такой, молодой, только после армии вернулся, весь в наколках... Так он, Нюрочка, меня специально подловил и спрашивает: «А что за прекрасная дама к вам ездит? Не могли бы вы меня с ней познакомить?» Это он, Нюрка, про тебя! А я сказала, что ты замужем, вот так!

На другом конце провода послышался тягостный стон, а потом прямо в ухо Нюрка звонко всхлипнула:

– Зин, но я же... и замужем-то не была... А он, может быть...

– Да! Он хотел! Он хотел тебя в загс пригласить! А я сказала, что ты не можешь, вот так! А потому что... зачем ты моего Плюха подкарауливала?

Нюрка затараторила в трубку так быстро, будто за каждое слово ей платили в валюте:

– Зинаида! Я вовсе его не подкарауливала! Я к тебе пришла... Ой, Зинка, я чего приходила-то... Ты же, помнишь, про Таньку Боеву заикалась, а она ведь барменшей работает. Я чего думаю, может, тебе к ней обратиться? Театр мод знаешь? Ну, его все знают – «Я не такая!» называется. Так вот, бар прямо при этом театре. Она там и работает. Так ты сходи, может, сунет тебя куда-нибудь? Слышь чего, а ты мужичка-то того, ну, соседа, в следующий раз...

– Ну, теперь, может, и дам ему твой номерок, – проговорила Зинаида и положила трубку.

Нет, на подругу она все еще была сердита: подстроила такую встречу с Плюхом! Ну, ничего, может, и правда, Татьяна ее пристроит, и тогда... Вот только бы ничего не случилось с ее Вадиком...

К Татьяне Боевой Зина отправилась на следующий день. Прямо на работу. Театр мод «Я не такая!» искать долго не пришлось. Оказывается, в городе он пользовался популярностью, и третья же женщина, к которой обратилась Зинаида, подробно расписала, как его найти.

Это было совсем небольшое, но очень красивое двухэтажное здание в желто-синих тонах с яркой вывеской. Бар находился на первом этаже, был он тоже маленьким, но красивым, с самой современной мебелью и поражал необычными дизайнерскими находками. Зинаида пришла рано, поэтому посетителей в баре не было, зато за стойкой что-то мелодично напевала приятная миниатюрная женщина яркой внешности и натирала и без того прозрачные бокалы.

– Простите... – начала было Зинаида, но ее голос немедленно заглушил дикий рев:

– Зинка! Корытская! Молодец, что пришла! Ну, с ума свихнуться! – вскричала барменша, размахивая бокалом.

Теперь это была прежняя Танька Боева, с которой Зинаида работала двадцать лет назад, Танька, которая славилась неугомонным характером, звонким голосом и сорочьим языком. Судя по тому, что Боева тарыхтела без передыху, а рот ее растягивался в радостном оскале, Зинаида поняла, что с найденным ею парнем, Вадиком, все не так плохо.

– Нет, ну какая молодец – вот взяла и заявила! Проходи, сейчас посидим с тобой, у меня народ только ближе к четырем подтянется. Слушай! А я ведь к тебе сама собиралась! Ну, из-за Вадки-то... А все времени нет, сама понимаешь: мне хоть разорвись – и к нему надо, и на работу. Вот сейчас брат приехал, так сидит пока с ним... Ой, ну как постарела... А что это у тебя на голове? Прическа такая? Мастера хорошего найти не можешь?

– Таня, а как Вадик-то? Вы нашли тех хулиганов, кто его так? – умудрилась вклиниться с вопросами Зинаида.

Татьяна на нее замахала руками и придвинулась к самому лицу:

– Какие хулиганы! Ты что? У нас тут такое творится! Вот ты не поверишь, знаешь... – страшно зашептала Танька и даже по-куриному закатила глаза. Но когда открыла, взгляд ее уперся в Зинаидины ноги. – Зин, а сейчас такие юбки уже никто не носит. Посмотри, какие у тебя ножки убогие! Ой, чего ж ты гвоздем торчишь, садись вот сюда! Слу-у-ушай! Я тебя к Агаповой отведу, она тебе такой костюмчик придумает – все пальцы оближешь!

Татьяна снова заработала языком, и у Зинаиды пропали все шансы сказать хоть слово. Между тем Боева выставяла на высокий стеклянный столик какие-то коктейли, крошечные чашечки с кофе, фарфоровые вазочки с консервированными фруктами и мороженым, и все шелестела фольгой от шоколада.

– Тань, я ведь к тебе по делу! – хлопнула ладонью по столу Зинаида. – Понимаешь, мне очень нужно...

– Понимаю! – вмиг посерьезнела Татьяна и вперила острым взглядом в бывшую коллегу. – Все ясно, я так и думала... Ну-ка, встань. Да вылезь ты из-за стола!

Татьяна выдернула Зинаиду из-за столика и принялась крутить ее, будто вешалку в магазине.

– Ну, конечно, ты – ненормальная, я это сразу заметила. У тебя широкие плечи, узкий таз и кривые ноги. А грудь! Нет, это не грудь, а стихийное бедствие, прямо бахча какая-то... Знаешь, грудь придется убрать, ноги...

Зинаида испуганно поставила ножки в третью позицию и прикрыла сумочкой грудь. Подруга явно маялась нервным расстройством. Вероятно, трагедия с сыном не прошла бесследно для ее мозгов. Однако за свои ноги Зинаида Корытская готова была сражаться с любым умалишенным! Она великолепно знала свои плюсы, и нижние конечности были ее гордостью. Если кто-то обладал лебединой шеей, то Зиночка носила свое мощное туловище на абсолютно журавлиных ногах, эдаких тоненьких, длинных, с выпуклыми фигуристыми коленками. Да и грудь, если ее выгодно подать...

– Знаешь, Танечка, я уж как-нибудь и с бахчой... И ноги у меня... ровные, это я их поставила... кривенько. Ты, надо сказать, тоже не Аллен Делон, – обиженно поджала она накрашенные губки и дернула хилой косицей. – И вообще – я к тебе по трудоустройству, но...

– Ах, так ты работу ищешь?! – всплеснула руками Боева. – А чего сразу не сказала? У нас же театр мод для нестандартных фигур. Очереди обалденные, вот я и подумала, что ты на заказ пришла. А если работать... Да чего ты вскочила-то? Садись!

– Подожди, – насторожилась Зинаида. – Что значит – нестандартные фигуры?

– Ой, да очень просто! – охотно объяснила подруга. – Слишком толстые, слишком худые, длинные там, кривоногие, все сюда к нам. У нас направление такое! Кстати, а грудь тебе все равно надо убрать...

Из сбивчивого рассказа Татьяны Зинаида уяснила следующее. Шесть лет назад умная домохозяйка Леночка Ивская, брошенная мужем и оставленная с дочерью на куцые алименты, от безысходности сняла комнатку и создала крошечное ателье. Дабы выгодно отличаться от множества схожих артелей, женщина сделала ставку на нестандартную моду: она решила разрабатывать такие модели, в которых даже самая отъявленная дурнушка выглядела бы королевой. Главной ее находкой была Альбина Агапова, которая сидела в какой-то затхлой конторе серым инженером, ни фига не смысля в производстве, и хоронила яркий талант модельера. А между тем женщина могла в любом бесформенном теле обнаружить фигуру и придумать такую одежду для нее, чтобы скрыть недостатки и выгодно выставить достоинства. Если учесть, что над каждой моделью женщины трудились, как над диссертацией, нетрудно догадаться, что очень скоро в маленькое ателье потянулись неизбалованные модельерами толстушки, кривоножки и низкорослые дамочки. Успех превзошел самые смелые ожидания. Популярность налетела саранчовой тучей, и через какое-то время дорожку в маленькую комнатку знали даже шестилетние модницы. Теперь Елена Сергеевна Ивская была уже директором крупного театра мод «Я не такая!», имела свое помещение и небольшой, но крепко спаянный коллектив. Кроме того, в театре два раза в месяц проходил непременный показ мод из собственных несовершенных манекенщиц, а также работал и психолог, парикмахерская и визажист. К коллективу же были особенные требования. Елена Сергеевна не переносила многочленные организации, на работу брала людей крайне редко и с большой осторожностью, потому что стремилась в театре создать атмосферу уюта и даже некоторого родства, а с маленьким коллективом это было удобнее всего. Посему каждый работник имел как минимум две должности, но поскольку зарплата была достойной, то никто и не думал роптать.

– Вот черт! – ругнулась Зинаида и принялась сокрушаться. – Значит, не любит ваша директриса новеньких, да? Ну, не везет мне с работой, хоть застрелись! А ведь такая славная работница пропадает... Нет, Тань, ты ведь знаешь, я ж вся трудоспособная, ответственная... Вот ты вспомни, я хоть раз кого обсчитала? Да ладно, не вспоминай!

– Зин, ты лучше вот этот коктейль попробуй – обалденный! Знаешь, вкус, как будто ацетон с ананасом – до мозгов продирает... – толкала Татьяна к подруге высокий стакан, украшенный серебристым бантом и веткой герани. – Ну чего разошлась-то? Сейчас вместе к Ивской сходим... Я ей давно говорила, что мне одной трудно, а уж теперь особенно. Только она все своего человека советовала найти, с улицы никого не возьмет. Вот я и нашла. Пей давай.

Сердце Зинаиды от радости ухнуло куда-то в живот, и она благодарно ухватила за стакан. Минуты две пыталась пристроиться между геранью и бантом, чтобы послушно вкусить ацетона с ананасом, но ничего не получилось, и она толкнула барменшу:

– Слушай, Тань. Я герани и дома наемся, может, мы сразу пойдем к Ивской?

– Как хочешь, – легко подхватила Боева и хихикнула: – Вот зачем только цветы обжевала, может, напиток еще кому продать получилось бы...

Елена Сергеевна Ивская оказалась очень интересной женщиной лет тридцати семи. Она сидела за столом и разбирала бумаги. Увидев вошедших, растерянно улыбнулась:

– Вы ко мне? Танечка, ты привела свою знакомую на заказ? Сейчас Лида Данилова работает, но сначала к модельеру, ты же знаешь.

– Елена Сергеевна, я нашла своего человека! – торжественно сообщила Татьяна и вытолкнула Зинаиду вперед. – Вот, оценивайте!

Зинаида перекошенно улыбнулась и от испуга что-то такое вытворила ногами на балетный манер.

Елена Сергеевна такое рвение не оценила, как-то вся скисла и чуть не плача обратилась к Татьяне:

– Танечка! Ну, ты же знаешь, какое у нас теперь положение! У нас такое горе, надо всем вместе сплотиться, а ты посторонних людей...

– А какое горе? – шепотом спросила Зинаида подругу. – У нее-то какое? Обанкротились, что ли?

– Да чтоб ты окривела! Обанкротились... – рыкнула на нее Боева, немало не смущаясь присутствием начальницы. – Нет, у нас сотрудница одна погибла... Странное такое дело, прямо вот ничего не понятно! Милиция не шевелится, а нам страшно. Если все модели гибнуть начнут...

– Танечка! – повысила голос Ивская, и подбородок ее подозрительно запрыгал. – Мне бы хотелось, чтобы ты не слишком распространялась!

Танечка поняла, что язык у нее несколько распоясался, и принялась сглаживать ситуацию, то есть врать:

– Елена Сергеевна! Между прочим, вы не смотрите, что на первый взгляд Зинаида идиоткой выглядит. Она вообще-то не глупая. Знаете, как она нашего директора облапошивала! Не всякая с высшим образованием так сообразит! Она мне помогать будет. Вы же знаете, мне теперь с Вадькой... А про Софью Филипповну... Я вам говорила, что вплотную займусь этим непонятным случаем, а Зина мне поможет. Зин, поможешь ведь, чего молчишь?

– Конечно! Помогу! Только в каком случае? – не поняла Зинаида.

Татьяна сделала страшные глаза и зашипела:

– Ну, в убийстве! Соглашайся, дурочка, там пристроим тебя куда-нибудь...

Заслышав про убийство, Зинаида выпрямила плечи и гордо дернула шеей. Она даже позволила себе усестись на стул без приглашения директора.

– Елена Сергеевна... Вас так, кажется, зовут? Уважаемая Елена Сергеевна, сегодня ваш счастливый день, и вы должны Татьяне памятник поставить!

– Не надо памятник, мне не к спеху, – быстро проговорила Татьяна, не понимая, куда клонит подруга.

Елена Сергеевна тоже насторожилась. Она даже отложила свои бумаги подальше и с вниманием ждала, каким же таким счастьем одарит ее странная посетительница.

– Дело в том, – продолжала Зинаида, – что буквально несколько месяцев назад я раскрыла одно непростое преступление. Кстати, у меня есть свидетели и благодарные клиенты... Хотя с клиентами...

Зинаида и в самом деле не так давно каким-то чудом распутала сложное преступление, однако клиент ей вовсе благодарен не был, так как, собственно, из-за нее угодил за решетку. Какая уж там, к черту, благодарность? Но об этом Елене Сергеевне вовсе незачем было знать.

– Если не верите, я могу принести отзывы, – с чувством собственного достоинства продолжала Зинаида. – Так что придется вам меня взять, а я попробую разобраться, что же такое произошло с вашей сотрудницей.

Ивская немного помолчала, покрутила карандаш, а потом решила, видимо, что хуже уже не будет, и махнула рукой:

– Хорошо, попробуем. Татьяна, отведи свою знакомую к Ие Львовне, пусть она ее оформляет.

Подруги мотнули головами и, довольные, направились на выход.

– Зинаида... Как, простите, вас по отчеству... – вдруг окликнула Ивская Зину у самых дверей.

– Не надо отчества, можно по-домашнему – Зиночка, – зарделась та.

– Зиночка? Пожалуй, лучше будет Зинаида. Так вот, Зинаида. Если вам действительно удастся на что-то пролить свет, я предложу вам должность менеджера по кадрам с окладом в две тысячи долларов. Вас устроит? Тогда дерзайте, – вдруг объявила Елена Сергеевна и снова уткнулась в бумаги.

За директорскую дверь Зинаида вышла буквально вприсядку. Вовсе не оттого, что пустилась в пляс, просто ноги как-то сами собой подкашивались на каждом шагу. Если ей будут такие деньги платить, да она не только свет прольет, она душу из каждого вытрясет! Сами не рады будут! Господи, как директриса сказала, ее должность будет называться? Менеджер? На «Том и Джерри» похоже. Да и бог с ним, с названием... Неужели в самом деле заплатит?

– Слышь, Тань, а она у вас не того? Не любит приврать? – ткнула она в бок подругу.

А та уже неслась по коридору к неизвестной Ие Львовне и на приседания Зинаиды внимания не обращала.

– Зина, ну давай быстрее! Сейчас Хорь унесется куда-нибудь, останешься не оформленной! Чего ты там спрашиваешь? Врет? Нет, Ивская врать не любит, да только фигу с дрыгой ты кого отыщешь. Так все наворочено... – отмахнулась Татьяна и заторопилась дальше.

Зинаида даже не успела спросить, какой хорь куда-нибудь должен унести. Но вот они оказались перед светлой стеклянной дверью.

– Ну все, – набрала побольше воздуха в легкие Татьяна, – теперь держись. Ия Львовна Хорь, это тебе не Ивская. Это граната! Бомба! Прямо бомбардировщик! Ну да ладно...

Они вошли в кабинет и сразу же оцепенели: в центре просторной комнаты, которая была уставлена шкафами с папками и оргтехникой, высилась огромная женщина и под заунывные индийские напевы дергала мощным тазом.

– На-ня-ня, на-ня-ня-а-а-а, – тоненьким овечьим голоском дребезжала она себе под нос, продолжая наворачивать восьмерки пышными окороками.

Зинаида погрустнела. Глаза ее покраснели, и она вдруг поняла, что если проронит хоть слово, ее тут же разорвет от смеха. И прощай тогда две тысячи долларов. Она беспомощно оглянулась на Татьяну. Та некоторое время смотрела на женщину стеклянными глазами, а потом вдруг ляпнула:

– И не совестно вам, Ия Львовна, индийскую культуру похабить?

Женщина как-то по-кошачьи мявкнула, присела и посеменила в соседнюю комнатушку, будто с ней приключился конфуз. Ровно через две минуты она вышла к дамам-посетительницам огромная, невозмутимая, холодная, будто рефрижератор, и едва разлепила губы:

– Боева, почему в моем кабинете посторонние?

Татьяна захлопала глазами, облизала вмиг пересохшие губы и невнятно забормотала:

– Ия Львовна, это... Понимаете, это Корытская, Зинаида Ивановна... Она не посторонняя, ее Ивская попросила оформить как официантку. С сегодняшней пятницы...

– Боева! На кой черт нам еще официантки, когда и тебя-то не знаем куда деть? – все так же по-царски спросила Хорь.

– Но как же... я же бар... Мне одной... Там надо и закупки произвести, и посуду помыть, и потом...

Зинаида вдруг сообразила, что из-за этой слонихи она и вовсе может остаться без работы – причем в тот самый момент, когда все начало так славно складываться – и пошла ва-банк. Она продвинулась к столу, вальяжно расселась на бархатном стуле, закинула одну тощенькую ногу на другую и, рассматривая облупленный маникюр, проронила:

– Гражданочка, вам приказали оформить меня официанткой, так вы и оформляйте, не выкорعживайтесь. Кстати, вторую мою должность можно в трудовой не указывать. Я еще и

следователь по особо запутанным делам. Так что вы время не тяните, пишите, что там требуется, мне еще вас допросить нужно.

Такого поворота событий хозяйка кабинета не ожидала. Она раздулась пузырем и вдруг закудала:

– Кто... кто, кто вам сказал, что по запутанным это ко мне? Почему сразу ко мне, я не понимаю! У меня совершенно нет никаких дел! Откуда у меня запутанные? Да у меня бумажечка к бумажечке! Вот, пожалуйста, можете проверить!

– А я и проверю. Чего вы так всполошились? – успокоила Зинаида. – Я затем сюда и поставлена, чтобы проверять, узнавать, искать. А вы меня оформлять вроде не собираетесь...

Ия Львовна отчего-то накинулась теперь на окаменевшую Татьяну:

– А кто не собирается, а? Это я не собираюсь? Боева! Ты что про меня человеку наговорила?! Да я... Дайте вашу трудовую книжечку, будьте любезны, – сладким голосом, будто автограф, попросила она у Зинаиды. – Вы не слушайте эту Боеву, ей на хорошего человека тень навести, как нечего делать, такая зараза, я извиняюсь...

– Боева моя подруга, и я бы попросила...

– Ой! – радостно всплеснула руками Ия Львовна. – Танюша ваша подруга? Боже мой, счастье-то какое! Это же как славно, что вы вместе работать будете! Танечка – золотой человек! Золотой! Я всегда говорила – сокровище! Боева, чего ты молчишь, говорила я или нет, что ты – сокровище?

Татьяна только мычала, переступала с ноги на ногу и ждала, когда же закончатся ее муки.

– Вам авансик выписывать? – заглядывала в глаза Зинаиде Ия Львовна. – Пожалуй, я выпишу. Подъемные, так сказать. Правильно? Немножечко, тысяч пять, да? А у нас так, все для блага человека. Боева, ты лом проглотила, что ли? У нас, говорю, для блага ведь, да?

Татьяна согласно клацнула зубами и, едва дождавшись Зинаиду, выскочила за дверь.

– Ой, Зинк, и чего врала, чего врала-то? По особо запутанным она... Теперь держись! Эта мегера не простит тебе сегодняшнего вранья, высушит, как воблу, попомни меня, – горестно мотала головой Татьяна, не соображая, как пережить драму.

– Боева, я, между прочим, сегодня еще не врала. И дело это собираюсь распутать по-настоящему, – серьезно сообщила Зинаида и, уже по-простому, спросила: – Слушай, Тань, а что у вас случилось-то? Хоть бы рассказала, в самом деле! И с Вадькой твоим что за дела? Знаешь, я все время думала, думала... Он у тебя артист какой, что ли? Отчего в женском тряпье-то был?

– Чего ты там думала, когда ты и сотой доли не знаешь! – с жалостью вздохнула Татьяна, а потом решительно рубанула рукой воздух. – Значит так! Сегодня ни слова о деле, я тебе покажу все наше барское хозяйство, то есть барменское, введу, так сказать, в курс работы. А вот завтра у нас нерабочая суббота, мы с тобой встретимся и, уже в домашней обстановке, без лишних ушей... Ну, ты меня понимаешь. А с Вадькой пока все нормально. Придешь завтра, сама увидишь, а то так просто не расскажешь...

Конечно, Зина понимала, и серьезный разговор отложили на завтра.

Домой Зинаида пришла в самом роскошном настроении. Мало того, что с Вадиком все обошлось, так она к тому же нашла прекрасную работу, и ей сразу же выдали аванс! А впереди такие перспективы – менеджер по кадрам... Как звучит! Вот получит она первую зарплату, нарядится и перед Плюхом туда-сюда, туда-сюда... Зинаида представила, как она будет выглядеть: такая строгая, стройная... Кстати, а что с грудью-то делать? Хотя, если она станет менеджером, а она станет... В общем, поживем – увидим, что делать. По такому поводу она даже забежала в магазин и увесилась пакетами с продуктами.

– И ничего страшного. Вот стоило мне только захотеть и – пожалуйста, две тысячи долларов! – хвасталась перед котом Зинаида, когда уже валялась дома перед телевизором.

Сегодня она даже не пошла к столу, когда ее Юля звала на традиционный борщ. Как бы там ни было, надо себя готовить к новой должности, схуднуть местами. Так что Зина ограничилась парочкой пирожных, которые заботливая Татьяна сунула в сумку, да еще выкушала коробочку «Птичьего молока», скромный Татьянин подарок за спасение сына. Теперь можно было валяться на кровати и мечтать о перспективах.

– Ты вот, котяра, не облизывай шерстку больше – скоро будешь соседским кошкам хвастаться, что тебя гладил менеджер по кадрам.

Кот только согласно урчал и жмурил янтарные глаза.

Зинаида и сама не заметила, как ее веки отяжелели, дыхание стало глубоким, затем оно перешло в сопение, а потом из глубины души и вовсе вырвался сочный храп.

Очнулась женщина от требовательного стука в дверь:

– Зинаида Ивановна! Вы живы там? Выходите завтракать! Вы же вчера ничего не кушали, у вас желудок съжится! Зинаида Ивановна! Ой, может, позвать Игоря, чтобы он двери вынес? – волновалась Юля, заглядывая в замочную скважину.

– Ох, господи! – всполошилась Зинаида, продирая сонные очи. – Стоит только даме решить отдохнуть немножко... Юленька! Что ж вы так ломитесь, будто на вас слесарь напал? Какой завтрак, когда время ужинать?

Зинаида открыла дверь, и в комнату впорхнула свежая и бодрая Юля.

– Что вы, Зинаида Ивановна! Ужин вы великолепно проспали. Я вас будила, будила... А Игорь сказал, что у вас, вероятно, какая-нибудь акция голодовки из-за безработицы, и чтобы я не вмешивалась в ваши политические убеждения. А я так подумала: завтракать-то и при убеждениях ведь можно, правда? Мурзик, котик мой золотой, уже десять утра, а ты еще к миске не подходил, какой ужас! Зинаида Ивановна, прекращайте морить себя голодом, я вам омлет приготовила с петрушкой.

Девчонка совсем недавно выскочила замуж и мнила себя хлопотливой хозяйшкой. Заботы об одном муже ей явно не хватало, детьми ребята еще не обзавелись, поэтому девчонка опекала всех, кто попадал в ее поле зрения, так что Зинаиде и коту, находившимся в нем почти постоянно, доставалось. Однако они вовсе не возражали. Вот и сейчас Зинаида пригласила встрепанную косицу и мило улыбнулась соседке:

– Детонька, можешь передать Игорьку, что у меня совсем нет повода для убеждений. Тем более для политических. Я вчера устроилась на замечательную работу, с понедельника выхожу... Подожди-ка, а что, уже в самом деле десять утра?

– Вот! – Девчонка подскочила к столику, где у Зинаиды тикал будильник, и сунула часы соседке прямо в нос. – С чего бы мне врать? Кстати, омлет совсем остынет, поторопитесь.

Зинаида поторопилась. Тем более что ее ждал не только омлет, но и серьезные дела.

– Юля, а мне никто не звонил? – спросила она за столом.

– Как же, звонили, несколько раз. Женщина какая-то. Потом мужчина. Правда, он не сказал, что мужчина, просто сопел в трубку. Но я решила, что это вас и именно мужчина. А еще женщина, я говорила, да? Но я ей строго-настрого сказала, что не стану вас тревожить. Вы хлебушек маслом мажьте, хорошее масло, дорогое.

– Юля! – вскинулась Зинаида. – Это же мне по делам звонили! Ну... и чего теперь делать? Ты понимаешь, что от меня уплывает крупный гонорар?

Девчонка нисколько не опечалилась:

– А я говорю – кушайте! Ваша знакомая телефончик оставила, потом позвоните. Кстати, Зинаида Ивановна, вы не знаете, как в Мурзика петрушку запихать? Он совсем не ест овощей, а ему просто необходимы углеводы!

– А ты, Юленька, подыщи умненькую статейку про эти самые углеводы и прочитай коту. Он, видишь ли, на слово не привык доверять. А телефончик мне дай.

Устроившись возле новенького телефона, который, к слову сказать, приобрели квартиранты, Зинаида стала нетерпеливо нажимать кнопки. И едва заслышав, как на том конце провода сняли трубку, сразу защебетала:

– Алло, здравствуйте, вы мне звонили, я временно не могла...

– Зинк, ты, что ли? – отозвалась Татьяна. – Я тебе звоню, звоню... Приезжай ко мне, поболтаем. Знаешь, где я живу? Записывай.

Глава 2

Не щекочите сыщика – проснется!

По меркам Зинаиды, Татьяна жила просто роскошно. Просторная светлая трешка, заставленная мягкой мебелью сливочных тонов, горы всевозможных подушечек, огромный телевизор, пушистый однотонный ковер, воздушные шторы... Но Татьяна и не думала кичиться обстановкой, неудержимо тащила подругу к цветам, которых здесь было великое множество.

– Зин, чего ты к стеллажу приклеилась? Пойдем, я тебе такую строманту покажу! Правда, красавица? Потом дам отросточек. А в спальне у меня такой антуриум – сдохнешь! А еще стрелеция! Она пока еще не цветет, но уже собирается. У нее такие цветы... Как птичьи головы, представь!

Зинаида вяло пялилась на зеленые листья и все больше глазела по сторонам. И чего, спрашивается, сдыхать от каких-то веточек, если она прямо сейчас готова скончаться от одной Танькиной кровати – огромной, с маленькими деревянными ангелочками по углам. А еще такой же торшер. И книги... Можно подумать, Танька читать умеет! Зинаида немедленно одернула себя – негоже так откровенно завидовать, может быть, и у нее когда-нибудь появится полка с книгами и ангелочки с кроватью! А Боева не унималась и тащила гостью в следующую комнату.

– Подожди, ты еще самую красоту не видела! В Вадькиной комнате у меня орхидея! Цветет, представляешь?!

Зинаида послушно вошла за хозяйкой в Вадькину комнату и будто споткнулась – на широкой кровати лежал ее недавний знакомый. Теперь она могла хорошо его разглядеть. Все лицо у парня было желтоватым от сплошного застарелого синяка, волосы теперь торчали не драными клочьями, а были коротко подстрижены, и сквозь них виднелись ссадины. Сейчас Вадим лежал в мужской пижаме и ничем не напоминал жуткое существо в джинсах и коротеньком девичьем платье, которое она видела памятной ночью в овраге.

– Вадик... – проблеяла Зинаида. – Ты меня не помнишь?

Парень присмотрелся, но потом только неопределенно пожал плечами.

Возле него уже порхала мать. Татьяна теперь не щебетала, а заботливо поправляла подушку под головой паренька.

– Вадь, ты киселька попьешь? Хочешь йогурта? Я твой любимый купила, с ананасом... Нет? Вадик, это тетя Зина, мы с ней теперь работаем. Это она тебя нашла, и если бы не она...

– Здравствуй, – просипел парень и что-то прошептал матери на ухо.

Татьяна тут же унеслась из комнаты, а Зинаида не могла оторваться от лица паренька.

– Представляешь, – вспомнила она. – Я машину хотела поймать, руку подняла, а на меня бык выскочил. Прямо не бык, а маньяк какой-то! Откуда он взялся, до сих пор не могу понять. Я от него как рванула, а потом я споткнулась и прямо на тебя свалилась. Знаешь, когда ты меня за ногу ухватил, я подумала: если это снова бык, поймаю и прям говядину из него сделаю, ну сколько бегать-то!

– И как? Поймали? – с трудом разлепил губы парень.

– Кого? Быка? Да где там, удрал.

Вадим медленно покачал головой:

– Машину... поймали?

– Машину? – оторопела Зинаида. – А зачем мне машина? Меня твоя мама довезла. Нам же по пути в город было! Вадик, а... а почему на тебе такой странный наряд был? – не утерпела Зинаида.

Парень метнулся глазами, потом немного скривился:

– Не знаю я, не помню... – И откинулся на подушку. А к сыну уже спешила Татьяна с дымящейся кружкой, от которой шел травяной пар. Парень потянулся за кружкой, и на худой руке перед глазами Зинаиды мелькнула надпись «Я не та...». Дальше прочитать она не успела.

– Вадик, а это что у вас? – еле проговорила она, тыча в руку.

Парень поспешно убрал руку и насупился.

– Вадя, покажи тете руку. Да не эту, а ту, которая исписана! – немедленно встряла Татьяна. – Это же тетя Зина! Не забывай, если бы не она... Кстати, Вадик, а что, если тебе на плече потом так вот красивенько татуировочку сделать: «Не забуду тетю Зину!»

– Мам... – беспомощно протянул Вадим.

– Ну уж, Тань, ты вообще... – не выдержала даже Зинаида.

– Ладно, ладно, не надо. А руку покажи!

Она даже сама подскочила к сыну, задрала ему рукав повыше и зычно прочитала:

– «Я не такая!» Видала, Зин, какие сволочи! Ну, ничего-ничего... Ваденька, а ты спи, спи, не переживай. Скоро на тебе все заживет, спи, сынок.

Татьяна еще раз поправила подушку и повела гостью из комнаты в кухню.

Зинаида заторможенно прошла следом и уселась за стол. Кухня у Татьяны тоже поражала удобством и современностью, но теперь Зинаида этого не видела, перед глазами так и стояло измученное лицо паренька.

– Вот, видела? – появилась через некоторое время в дверях Татьяна. – Видела, что с сыном сделали? Я ж тебе говорю: странные вещи у нас творятся. Потому я и взялась разобраться, кто так наглет. Милиция, правда, обещала найти хулиганов, да у них же и без нас дел полно, а я за Вадьку не хочу прощать негодяев. Правда, у меня никакого опыта...

– Что с ним случилось? – кивнула в сторону комнаты Зинаида.

– Ой, Зин... – Татьяна уселась напротив подруги, налила чаю и принялась объяснять: – Да что тут случилось... Вадька из института домой в шесть приходит, а тут жду, жду его, а его все нет. Уже и семь часов, и восемь, и десять... А потом ты позвонила.

– Таня, а откуда у него надпись такая? – спросила Зинаида. – Я что-то не припомню, чтобы там, когда я его нашла, у него руки исписаны были.

– Да были, ты не видела просто, – устало отмахнулась Боева.

– А что он сам говорит? Кто к нему подходил? С чего все началось-то?

– Да ничего он не помнит! Зин, мне кажется...

Горестную речь хозяйки прервал телефонный звонок.

– Да! – подняла она трубку.

Вероятно, тот, кто звонил, планировал говорить долго, потому что Татьяна воздела глаза к потолку и пальцем, будто пистолетом, ткнула себя в висок. Говорящий этого не видел, поэтому беседу не прекращал.

– Тань, ты соври что-нибудь культурное, – зашипела Зинаида, у которой уже кончалось терпение. – Соври, что к тебе муж приехал, говорить не можешь.

Татьяна так и сделала:

– Слышь, Коля! Иди к черту! Ну, надоел, честное слово! Будут деньги – заходи! – рявкнула она и бросила трубку.

– Что ты так грубо с человеком?

– Да какой там человек? Это мой бывший, отец Вадькин! – отмахнулась Татьяна. – Представь, когда с Вадькой такое случилось, он позвонил, я ему кричу: врача хорошего найди! Я-то реву, ясное дело, а он только: «А может, Вадик яблочки купить?» Ну скажи, на кой черт Вадьке яблочки, если у него вся челюсть разворочена? Я, ты знаешь, готова была эти яблочки ему...

– Тань, подожди, ты говорила, что тебе что-то кажется, – перевела разговор Зинаида.

Татьяна вмиг остыла, задумалась, а потом поделилась соображениями:

– Мне кажется, тут наш театр замешан. Ты же видела надпись: «Я не такая!» А наш театр так и называется, чего думать-то? Понимаешь, Вадька у меня паренек смысленный, соображает, прямо как калькулятор, честное слово. Он учится в институте на экономиста и, между прочим, повышенную стипендию получает. У нас ведь театр большой, а бухгалтером только Хорь, которую ты вчера видела. Она, конечно, баба умная, но и работы у нее – выше крыши. Короче, не успевает она со всеми делами справляться. А я возьми да и ляпни ей про Вадьку. В общем, села на него Хорь прям верхом! Сначала одно попросила сделать, потом другое, а теперь и вовсе – чуть что, звонит и даже не просит, а перед фактом ставит: к такому-то числу надо то-то и так-то. И хоть бы копейку заплатила, ведьма! А Вадька у меня интеллигентный такой уродился – сама не знаю, в кого пошел? – за нее работу делает, а она деньги огребает. Ой, чего ж ты чай-то не пьешь? Давай я тебе конфеток подложу...

Зинаиде расхотелось чаю. Какое тут чаепитие, когда такие тонкости про будущих коллег выплывают!

– Тогда тем более зачем убирать такого замечательного да еще и дармового работника? – не согласилась Зинаида.

– Ага, дармового! – вытаращилась Татьяна. – Я ж тебе рассказываю... В последний раз Хорь снова Вадьку загрузила, а я сказала Ивской, мол, сколько же можно парня за финансового негра держать? Устраивайте его хоть на полставки, все равно он на вас каждый месяц исправно пашет. Ивская серьезно вроде к моим словам отнеслась, обещала подумать, а через два дня на Вадьку и напали. Сама же видела! Мы с ним в больницу ездили, но там сказали, что страшного ничего нет, я его и забрала. Дома оно всегда лучше...

Татьяна поднялась, налила в красивый стаканчик киселя и понесла парню.

– Таня, так, может, Вадьку просто хулиганы поймали? – спросила Зинаида, когда подруга вернулась.

– Может, и хулиганы, но только они, когда его битами били, приговаривали, что театр ему боком выйдет, если только сунется туда устраиваться. Это единственное, что он помнит. А переодели его в тряпье уродливое, думаешь, так просто? У нас ведь всякие накладки делают, чтобы, скажем, кривизну спины не так заметно было, и прочие премудрости... И надпись не то маркером, не то еще какой дрянью вывели. Я хотела смыть, но у Вадьки такие боли... Ладно, потом все равно отмою, если надо, и ацетоном ототру.

Зинаида не знала, что и сказать, молча брякала ложечкой в чашке. Чай уже совсем остыл и пить его не хотелось. Татьяна крутилась возле плиты, на которой кипели какие-то кастрюльки с запаренными травками и шипели на сковороде котлеты.

– Да у нас бы, может, и не тряслись так... Ну, подумаешь – Вадька! Это для меня он сын единственный, а им кто? Только тут и вовсе страшная вещь случилась, – продолжала Татьяна, оторвавшись от кулинарии. – Еще в прошлом месяце пришло нам приглашение из Англии... Даже не нам, и не приглашение. Англичане предложили Ивской подписать контракт на три года, чтобы она приехала к ним, поработала, поделилась опытом и подобный театр устроила у них там. Естественно, большими деньгами заманивали. Только пригласили не весь театр, а одну Елену Сергеевну. Правда, разрешили модельера взять – Агапову. Елена сразу лоб давай морщить – как бы ей и театр не бросить, и выгоду не упустить. А возле нее все наша модель крутится – Софья Филипповна. Сама уже старушка, а еще и швеей работала. Старушка старушкой, но во все дыры так и лезла. И тут она твердила: «Еленочка Сергеевна! Даже и не вздумайте отказать! Езжайте одна! Чего за собой этот горб тащить?» Это она про нас, что мы, мол, горб! А сама маленькая такая, карлик почти. Она у нас моду для низкорослых показывала. Так ее девчонки чуть не разорвали. Сама же понимаешь: кому в Англию не хочется...

– Ты к чему мне про какую-то Софью рассказываешь, Тань? Мы же про Вадика говорили...

Татьяна сложила по-старушечьи руки в замок и страшно выпучила глаза:

– А к тому! Софья крутилась, крутилась, Елена тогда только отмахнулась. А на следующей неделе Софья Филипповна опять ее подзуживать стала: не слушайте никого, езжайте! И десять дней назад того... сгорела в собственном доме.

– Ого... – опешила Зинаида. Потом проморгалась и сообразила: – Вообще-то, здесь и совпадение может быть, чего уж ты...

– Ага, совпадение! – взвилась Татьяна. – У Софьи, между прочим, тоже на руке написали «Я не такая!», понятно?! И еще одно. Директриса-то наша по совместительству психолог, так вот она с нами, с сотрудниками, беседы постоянно проводит – анкеты всякие заполняем, на тесты отвечаем. Все ей хочется чудо-коллектив состряпать. Недавно она выясняла, кто чего боится. Так вот, Софья, оказывается, больше всего пожара боялась. Даже спички никогда не покупала, только электроплитой пользовалась. Так что с пожаром тем совсем ничего не понятно. Софья Филипповна у дочки часто ночевать оставалась. И в тот вечер Софья, так дочь говорила, тоже осталась. Пришла с работы, к швейной машинке села, все чин-чинарем. Они поужинали, фильм какой-то по телевизору посмотрели и спать отправились, каждая в свою комнату. А утром дочь будят (ее, кстати, Валентиной зовут) и сообщают, что матушка благополучно скончалась. Да не где-нибудь, а в своем собственном доме. А дом тот, между прочим, на другом конце города. Ну и скажи, зачем старушке понадобилось дожидаться, пока дочь уснет, чтобы ехать среди ночи к черту на кулички, на собственную погибель? И не звонил ей никто, дочка бы слышала.

– А может, ее дочка и того... убила? По каким-то своим меркантильным соображениям? – предположила Зинаида.

Татьяна энергично замотала головой:

– Не-а. Я спрашивала, она говорит, что не убивала.

– А милиция что говорит? – поинтересовалась Зина.

– В милиции говорят, что Софью сначала придушили. Представляешь?

Татьяна поцокала языком и пригорюнилась. Зинаида сначала тоже решила запечалиться, но потом вдруг уставилась на Боеву цепким взглядом.

– Слушай, Татьяна, а ты откуда знаешь такие подробности? Прямо и милиция тебе все рассказала, и дочь нечаянно проболталась, да еще с подробностями!

Татьяна возмущено вспрыгнула со стула:

– Ни фиги себе нечаянно! Я ж тебе говорю – я по этому делу работаю! Даже и папку завела! Подожди-ка...

Боева унеслась куда-то в комнату, и вскоре оттуда послышался такой шум, будто опрокинулся шкаф со всей библиотекой. Может, так оно и было, но через минуту Татьяна стояла перед подругой и прижимала к груди тощую красную папку.

– Вот, смотри, видишь? «Де-ло»! Это я написала.

На папке и в самом деле красовалась надпись, выведенная от руки.

– Дай посмотреть.

– Ага, дай ей! – отступила на шаг Татьяна, еще крепче прижимая папку. – Сейчас сама почитаю, это ж документы, а не каракули какие. Вот, слушай. «Я, Боева Татьяна Викторовна, в трезвом уме и твердой памяти заявляю, что мной проведена огромная работа. Я выяснила, что неизвестным злостным преступником, прямо скажем, негодяем, был сильно избит Боев Вадим Николаевич. И совсем насмерть была уничтожена Софья Филипповна Рудина. Работа продолжается». – Татьяна тяжело вздохнула, будто только что и впрямь провела тяжкую работу. – Видала? Вот и думай. Конечно, я-то думать не стала, сразу за дело взялась, только у меня слабо получается, я же не сыскарь. И времени не хватает, я ведь работаю. Поэтому ты для меня сейчас – палочка-выручалочка. Мы с тобой здесь все перевернем! А то пока нас всех не передупшат, никто и не пошевелится.

Зинаида приосанилась. В сыском деле она считала себя матерым волком: раскрыла же одно преступление, а чем это хуже? И мозги у нее варят получше Татьянинных. И начальником по кадрам быть очень хочется, то есть менеджером. А там кто его знает, может, и ее в Англию возьмут, не одному же Игнатию Плюху по заграницам мотаться.

При воспоминании об Игнате губы у Зинаиды невольно растянулись в блаженную улыбку, а потом скорбно провалились вниз. Это ж надо – он на Ньюрку клюнул! Нет, определенно надо себя загрузить новой работой!

– Татьяна! Я думаю, нам прямо сейчас надо отправиться на место преступления. Я имею в виду – в театр, – решительно поднялась она.

– Ты чего? Чаю обпилась? – чуть не подавилась Боева. – Кто тебя туда пустит, в театр-то? Сегодня же суббота! А у нас, если показов нет, никого по субботам в театр не пускают, таково распоряжение Ивской.

– Слушай, а чего тут думать? – вдруг сообразила Зинаида. – Может, сама Ивская все и творит? Убивает, избивает...

– Ой, ну ты совсем... – обиделась за начальницу Татьяна. – Да на фига ей такое надо?! Знаешь, она у нас какая, Елена Сергеевна! Да она... Она мухи не обидит!! Она – святой человек, чтоб ты знала! Нет, надо же такое выдумать! Ты вот людей не знаешь, а еще судить берешься!

– А я тебе говорю, самые коварные преступники – как раз те, на которых никто подумать не может. Вот ты вспомни: мы когда в ресторане работали, на меня кто-нибудь мог подумать, что я личной водкой торгую?

– А чего думать, мы все знали! – вытаращилась Татьяна. – И директор знал. Он тебя еще шельмой криворукой обзывал, потому что никак поймать не мог.

– Вот сволочь. Почему же криворукой, если я очень даже напротив – ловкость рук проявляла? – перекосилась Зинаида. – Ну да неважно. Короче, вашу Ивскую проверить не мешает. Может, прямо к ней и сходим?

Татьяна уже не рада была, что втянула Корытскую в это дело. И что ее к начальству-то тянет?

– Тань, собирайся, пошли к директрисе в гости!

– А тебя Ивская приглашала? – глядя куда-то в окно, невинно поинтересовалась Татьяна. – Нет? Так и нечего навязываться. Ты вот только пришла – и сразу по домам шастать... Так кого угодно спугнуть можно. Ивская же не дура совсем, она сразу смекнет, что ты ее подозреваешь. Если виновата, потом к ней и не подберешься, а если нет, тогда преступник настоится. Нет, тут надо что-то другое придумать.

– Тогда давай я Вадьку твоего допрошу – должен же он был видеть, кто его мутузил!

Татьяна пожала плечами.

– Я уже его спрашивала. Ничего он там не видел, но... может, ты как-нибудь по-особенному спросишь... Пойдем. Только ты это, сильно его не травмируй, постарайся аккуратненько, с подходом...

– За кого ты меня принимаешь!

Вадька не спал. Он уныло созерцал по телевизору какой-то молодежный сериал и тянул через трубочку сок.

– Вадь, вот тут с тобой тетя Зина хочет поговорить, про бухгалтерские отчеты. Отвлекись на минутку, а?

Вадик охотно отвлекся. Он даже немного пошевелился, пытаясь устроиться поудобней. Зинаида уселась к нему на кровать, положила свою огромную ладонь на руку паренька и с улыбкой милой тетушки начала «издалека»:

– Кто тебя избил, Вадик?

Парень перевел взгляд на мать, а потом снова уставился на Зинаиду:

– Не знаю. А как это связано с отчетами?

– При чем тут отчеты? Я что, похожа на бухгалтерскую мышь? Меня интересует, кто тебя так разукрасил, а ты про отчеты... – начала нервничать Зинаида. – Лучше напрягись и припомни: как они выглядели, что говорили...

Парень отвернулся к стене, вздохнул и коротко буркнул:

– Не видел я, как они выглядели. Они сзади подбежали, сначала с ног сбили, а потом давай битой по ребрам... по голове еще тоже, потом, кажется, по почкам... я не помню, сознание потерял.

– И что, они все молчком, что ли, махались?

– Нет, матерились еще. Вам маты передавать?

– Спасибо, меня уже материли. А вот мама твоя говорит, что там про театр упоминали? – напомнила Зинаида. – Надпись опять же...

– Ну, да, было что-то... Вроде «забудь про театр» или «не суйся в театр», что-то такое. А, вспомнил! «Хрен тебе, а не место в театре!» – вот что говорили. А надпись мне сделали, когда я без сознания был. И переодели тогда же, иначе бы я не дался. Да я вообще помню только, как на остановке стоял, а потом кто-то сзади набежал, и удары посыпались. Очнулся я, когда вы мне на больное ухо ногой наступили. В общем-то, от боли и очнулся. Я даже по телефону маме не смог позвонить – не успел. Мам, дай снотворного, а то чего-то опять...

– Все-все, Вадик, уходим. Зин, пошли. Пошли, говорю! – зашипела Татьяна и потащила подругу из комнаты.

Усадив Зинаиду снова за стол, Боева недовольно нахмурилась:

– Ведь говорила тебе – остороженько надо. Он знаешь как переживает! Да еще и боли эти... А ты – прям как топором!

– Я и так остороженько, – оправдывалась та. – Я ведь не спросила: «Как же ты теперь калеккой-то жить будешь?», или «А не задет ли мозг?» Я вполне тонко подошла. И по делу. А как еще расследование-то проводить?

Татьяна задумалась. В раздумье она отщипывала листики с какого-то цветочка и медленно жевала, сильно кривясь. Потом плюнула, с укором взглянула на гостью, как будто это Зинаида только что обкусала дорогой цветок, и решила:

– Знаешь, я вот что придумала. Ты в выходные дома план наметь, чем нам заниматься, а потом мы уже вплотную, так сказать, и примемся расследовать. Только смотри, буром-то не при, тут с хитростью надо. Ну, в общем, ты придумаешь, сама говоришь, раскрыла уже одно преступление. А сейчас давай о себе расскажи, а то я тебя на работу как свою устроила, а ничего про тебя и не знаю.

Зинаида у Татьяны просидела еще часа два, а потом рванула домой. В этих убийстве с избиением надо было разобраться, а разбазаривать время – значило работать на преступника.

Не успела она перешагнуть порог дома, как на нее обрушилась целая какофония звуков: взревела музыка, кто-то радостно завизжал, защелкали пробки от шампанского, а саму Зинаиду кое-как взгромоздили на плечи какому-то хилому мужичку и, по дороге стягивая сапоги и пальто, поволокли на кухню. Там на столе высились красивые бутылки, в тарелках обливались майонезом салаты, курица источала копченый аромат, и кто-то даже умудрился сообразить холодец! И все же никаким столом Зинаиде невозможно было запудрить мозги.

– Господи... мамочки... Да что такое творится-то... люди хорошие... – бормотала она, цепляясь за дверные косяки. – Граждане, прекратите меня таскать... Уберите руки с талии, мужчина!

Надо сказать, Зинаида была опытным детективом, как-никак целое дело раскрутила, а потому возмущалась весьма деликатно. Кто знает, а вдруг это преступники решили оргию тут устроить? Зачем же зря людей гневить, себе дороже. Вокруг нее скакали незнакомые люди,

чужие мужчины тягали ее из стороны в сторону, не зная, куда пристроить, а посторонние женщины по-пороссячи визжали и хлопали в ладошки. Непонятно, кто ее поджидал и что задумал, а посему пока надо было сдерживать эмоции. Сдерживать становилось с каждой минутой все труднее – ее куда-то тянули за руки, платье задиралось, жутко ныла спина, дважды ее треснули головой о дверь, но когда хилый мужичок вместе с ней опрокинулся мимо стула, Зинаида уже не выдержала:

– Пре! Кра! Тить! – вскочила она с пола и гневно топнула ножкой. – Я вам резиновая кукла, что ли? Чего вцепились? И вообще! Что сие значит?!

Тут со здоровенным пирогом всплыла в кухню Юлька и засветилась самым необыкновенным счастьем:

– Зинаидочка Ивановна! В наше время так сложно найти хорошую работу, а вам удалось! И это чудно! По данному поводу мы с друзьями решили устроить вам небольшой праздник и вместе с вами порадоваться!

Зинаида жутко подозревала, что молодежи уже давненько хотелось собраться вместе, устроить гулянку и «порадоваться» просто так, все равно с кем. Чего говорить: и Юлька, и Игорь были неплохими жильцами, и такое сборище у них было впервые за несколько месяцев, а ведь они совсем еще молодые. Поэтому хозяйка сладко оскалилась и проворковала:

– Проказники... Ишь какой праздник устроили! У меня чуть камни из почек не выскочили... Только я не готова сейчас праздновать. Ах, не нужно меня уговаривать, не нужно! Я должна хорошо выспаться и достойно подготовиться к трудовым будням. Вы уж тут без меня...

– Ну ка-а-ак же без ва-а-ас? – прилежно загнусавили женщины, а мужчины стойко подавили вздох облегчения. – Мы хотим с ва-а-ами...

– Нет, нет и нет! – категорично заявила Зинаида и сделалась строгой. – Гуляйте одни, а мне еще надо просмотреть последние газеты. Не могу же я выйти к столикам, не зная, что творится в мире! А если какому клиенту взбредет в голову спросить, кто сейчас президент Эфиопии? Вот то-то...

С совершенно измученным видом она подхватила Мурзика, который усердно лизал холодец из чьей-то тарелки, подхватила клочок газеты, в которую был завернут сыр, и удалилась к себе «просматривать газеты».

Про прессу она, конечно, забыла сразу же, как переступила порог своей комнаты. И вот Зина переделась в старенький байковый пеньюар и теперь вышагивала по ковру, пытаясь усвоить все, что ей сегодня рассказала Татьяна. Под ногами крутился Мурзик, выписывал восьмерки и путал мысли.

– Мурзон! Я вовсе даже не занимаюсь дрессировкой, и мяса нам за это никто не даст. Ты вот лучше скажи, что общего между карликовой старушкой и умным, образованным парнем?

Мурзик вяло мявкнул.

– Вот не надо! Не надо мне лишний раз напоминать, что тут замешан театр! Хм, «Я не такая!»... Ну, допустим, старушка действительно была не такой, но парень-то вполне обычный! У него и рост... Да-да, не спорь, я же видела, какой он длинный под одеялом! – убеждала кота Зинаида. – Рост у него нормальный, вес тоже, не толстый и не дистрофик. Руки-ноги целы. Целы-целы, я заметила, он ногами шевелил, когда пытался приподняться. Тогда что? И со старушкой непонятно... Скажи на милость, что такого она сделала, что ее сначала придушили, а потом еще и сожгли? Вот Татьяна говорит, что, дескать, Софья Филипповна подзуживала директрису ехать в Англию без коллектива. Но это же смешно! Неужели Ивская совсем без головы? Да на бабушку можно было дунуть как следует, она бы про все на свете забыла! Нет, это не причина. Тогда что?

За дверями сначала слышались бурные крики, потом голоса стали умолкать, и на какое-то время наступило затишье, а после накатила новая волна радостных воплей. А Зинаида все шагала по ковру и ломала голову.

– Зинаида Ивановна! – раздался вежливый голос одновременно с вежливым стуком в дверь.

Кто-то за нею шуршал, возбужденно шептался и даже тихо переругивался.

– Зинаида Ивановна, откройте, у нас для вас сюрприз! – пела за дверью Юля.

Вот чего не хотелось Зинаиде Корытской, так это незапланированных сюрпризов. Однако сегодня она уже выступила в роли доброй феи, а потому следовало роль играть до конца.

– Ну, что вы там еще придумали, непоседы? – словно добрая бабушка, проворковала Зинаида, костеря в душе неугомонных квартирантов.

Перед ней стояли молодые женщины, и двое из них держали в руках увесистые баулы.

– Вы, девочки, тоже ко мне... квартироваться? – чуть не заплакала Зинаида, из последних сил стараясь сохранить лицо.

– Ой, ну что вы! Хи-хи! Мы же говорим – сюрприз! – Девушки ринулись в комнатку и принялись с азартом распаковывать сумки.

Чего тут только не было! Косметика, одежда, обувь...

– Давайте мы сначала вас накрасим! – порхали вокруг хозяйки чуть хмельные девчонки. – Накрасим, накрасим! Не спорьте! Вы теперь на работу пойдете, а лица совсем нет! Это что, разве это глаза? Прямо, как у вареной рыбы! Люся, где у тебя тоник? Дурочка! Надо сначала маску сделать! А губы... Нет, ну если сначала карандашом пройтись... Слушайте, а давайте ей новую форму губ придумаем!

Зинаида сначала пыталась сопротивляться, но потом правильно посчитала, оценив сюрпризный напор, что лучше сдаться.

Целый час девчонки колдовали над породистыми чертами лица Зинаиды Корытской. Чуть меньше времени ушло на прическу. Вероятно, потому, что с таким количеством волос просто невозможно было что-то особенное выдумать. Зато на одежду ушло часа полтора – пока все не перемерили, не успокоились.

– Ну вот, теперь смотрите в зеркало! – выдохнула одна из девушек, которая в узеньких джинсиках.

Зеркало тут же притащила Игорь из своей комнаты, и Зинаида, затаив дыхание, подошла оценить девичьи старания.

Из зеркала на нее глянуло незнакомое ехидное лицо. Какие-то яркие, вызывающие глаза, румянец, не матрешечный, а как у женщин в богатых журналах, и красиво изогнутые губы. Волосы, правда, подвели – после постоянной тугой косицы они теперь изгибались неровным бараном и в правильные волны укладываться категорически не желали. Зато наряд! Узкая юбка до середины колена, а потом – черные замшевые сапоги! Сверху, правда, красиво болтался просторный пуловер бананового цвета, но все портила далеко выпирающая грудь. Выходит: правду Танька говорила – надо эту бахчу куда-то прятать. Но сапожки! Вот именно так и должен выглядеть меднеж... менеж... черт, ну тот, который по кадрам!

– Отпа-а-ад... – удивленно протянула высокая девица.

– Ой, Зинаидочка Ивановна! – порхала вокруг хозяйки Юлька. – Ой, ну так классно! И так стильно! У вас на работе все просто выпадут!

– Нет, Зинаид Ванна, вам точно так классно! – проняло даже Игоря. – У нас во дворе тетка молоко продает, вот точно так же одета. Красиво.

Зинаида глубоко вздохнула и принялась стягивать сапоги.

– Вы что? – вытаращилась незнакомая длинноногая девчонка. – Вам не понравилось?

– Да как же такая красота может не понравиться! – усмехнулась Зинаида. – Понравилось, конечно. Да только денег у меня на все нет.

– Ну и что? Сейчас нет, а завтра будут. Вы же теперь работать будете, отдадите! – не умолкали девчонки. – Даже и не думайте, мы подождем. Берите, берите! И юбочку, и пуловер.

Кстати, Юль, скажи, вот эта кофточка тоже классно смотрится, да? И ее возьмите. А с полочки вернете.

Только стальная женщина смогла бы удержаться от соблазна. Зинаида стальной не была, а потому в ее гардероб уверенно переселилось все содержимое девичьих баулов. Больше всего Зинаиду сразили модные, удобные сапоги и роскошное пальто нежного персикового цвета. Она наивно дала себя уговорить и улеглась спать, твердо решив с завтрашнего утра переродиться в умную, деловую леди, как того требовали новые тряпки.

Половину воскресного утра Зина просидела перед зеркалом, терпеливо пытаясь воссоздать на лице вчерашнюю красоту без посторонней помощи. Сначала получалось неудачно: то глаз размажется, то губы уедут куда-то на щеку, а то и вовсе – расплывется тушь. Приходилось начинать все заново. К обеду женщина вышла уже с плодами собственных трудов на лице. Правда, одна бровь взлетала высоко под челку, а вторая ломалась где-то у виска, румяна намекали на высокую температуру, а губы стали раза в два толще собственных, но стиль проглядывался.

Юля терзала хлеб тупым ножом, а за столом уже восседал Игорь.

– Юленька! А что у нас на обед? – напевно спросила Зинаида, не забывая интенсивно приседать – она не успела размять суставы и теперь скоропалительно делала гимнастику.

– У нас сегодня... Ой! Кто это вас так, Зинаида Ивановна? – всплеснула руками девушка. – Что это у вас с глазами?

– Это я сама накрасилась новой косметикой, – засмутилась Зинаида. – Нравится?

Пока Юлька вспоминала словарный запас, Игорь причмокнул языком:

– Все, Зинаид Иванна, все мужики ваши будут. Только лицо умойте.

– Да ну тебя, Игорь, в самом деле! – махнула на него полотенцем жена. – Не слушайте его, для первого раза весьма прилично. Садитесь. У нас сегодня такой обед – пальчики оближешь. Я приготовила борщ!

Зинаида проглотила ком в горле, и обедать ей моментально расхотелось. Что-то с некоторых пор борщи у нее стали вызывать легкую тошноту.

– Вы обедайте, а я... я пройдуся, мне по делу надо, – вежливо откланялась она и юркнула в свою комнату.

Зинаида достала персиковое пальто, нацепила новые сапожки и решила просто пройтись, чтобы свыкнуться с обновками. Что там Игорь сказал – все мужики ее будут? Ну, тогда удобнее всего привыкать к новым сапогам возле дома Игната Плюха. Нет, нет, она вовсе не собиралась задирать нос и, не дай бог, кого-то высматривать, просто там и сквер рядом, и воздух замечательный, и урны на каждом шагу, и прочие мелочи...

Через полчаса дама в новом пальто уже чинно вышагивала по аллее. Она старалась по-балетному ставить стопу и держать спину, и – черт возьми! – на нее даже оглянулся один мужчина с тяжелым звякающим пакетом. Окна Плюха выходили именно на аллею, но это, конечно же, было чистым совпадением. Она сама сейчас просто так вот ходит и... Да, да, ходит и размышляет... Например, о том, что хорошо было бы, если бы выскочил из дома Игнатий, увидел бы ее всю такую современную, обновленную, стильную и стал бы немедленно просить прощения! Или нет, он бы лучше пригласил ее к себе! Или даже... Господи! Да она вовсе и не думает ни про какого Плюха! Она сейчас думает только про Вадьку. Кто и зачем так разукрасил парня?

И в самом деле – зачем? Если допустить, что это обычные хулиганы, тогда... Тогда они бы стали либо приставать к Вадьке, нарываясь на скандал и драку от скуки, для веселья, либо оглоушили его с целью грабежа. Если бы хотели драки, Вадим бы их помнил. А он сказал, что ударили со спины. Тогда получается, что хулиганы избили парня с целью наживы. Но чем же они нажились, если в джинсах у Вадьки остался телефон? Надо позвонить Татьяне, спросить,

не было ли у парня с собой денег. Но это так. На всякий случай, потому что версия с хулиганами Зинаиде вообще не нравилась: где они взяли тогда то чудовищное платье? Ведь не простое, а именно с горбом и накладной грудью... Платье... Ну, конечно, платье! А она-то дура...

– Зинаида. – Вдруг кто-то осторожно ухватил женщину за локоть. – Я думаю, нам надо мириться. Пойдем ко мне, а?

Наша сыщица очнулась от раздумий. Перед ней стоял виноватый Игнатий. Ветерок трепал полы его длинного черного пальто, из-под которого виднелись домашние брюки и тапки.

– Ну, пойдем... Я тебе такие конфеты привез!

– К тебе? – не видящими глазами уставилась на него Зинаида. – Слушай, ты мне сейчас все мысли распугал! Не видишь – я работаю. Умственно, между прочим! А ты выскочил тут... со своими тапками... И вообще – какие конфеты? Иди лучше Нюрке их в рот складывай!

Плюх только раздосадованно покачал головой и поспешил к табачному киоску.

– Итак, – снова наморщила лоб Зинаида, – на чем я остановилась? На платье! Надо срочно бежать домой и усаживаться к телефону. Стоп! А чего, интересно, хотел Игнатий? И куда я записала телефончик Татьяны? Господи, когда же я стану настоящей деловой леди?

Дома Зинаида первым делом позвонила Татьяне:

– Тань, это Зинаида. Слушай, а куда ты дела платье?

– Платье? – не понимала Татьяна, о чем речь. – Ну... я его сняла... А чего?

– Я понимаю, что сняла, а куда дела-то?

– Так это... я его сняла, положила в стирку, а сама сейчас мыться полезу. А уж потом пижаму напялю, – подробно отчитывалась Боева.

– Да при чем тут твоя пижама? Ты платье уже стирала? Ты, Тань, его не стирай, я приду, мне его рассмотреть нужно как следует.

На другом конце провода повисло молчание, потом Татьяна неуверенно заговорила:

– Так это... я его только что сняла, не успела постирать, мыться ж полезла. А... ты чего на моем грязном платье разглядывать собираешься? Фасон, что ли, какой у него?

Зинаида от полноты чувств покрутила пальцем у виска, не подумав о том, что собеседница ее не видит:

– Вот о чем только человек мыслит? Таня, я не про твое платье говорю. Я про то, в которое Вадька был наряжен, ты что, не понимаешь? Ведь кто-то его носил! Может, от прежнего хозяина что-то осталось, надо рассмотреть хорошенько...

– Ха, осталось что-то от хозяина! – невесело усмехнулась подруга. – Платья-то уже нет. Сожгли его, еще в больнице.

– Жаль, – коротко бросила Зинаида и уложила трубку на рычаг.

Такая прекрасная идея – найти хулиганов по платью – сгорела вместе с нарядом.

Пока Зинаида раздевалась, возле ее двери терпеливо топталась Юля.

– Зинаида Ивановна, – аккуратно поскреблась девчонка. – Я чего хочу-то... Давайте посчитаем, сколько вам за вещи отдавать придется. Только не пугайтесь, девчонки сказали – расплатитесь, когда сможете!

Юлька испортила весь деловой настрой Зинаиды. Только-только дама стала получать удовольствие от новых вещей, и – здравствуйте-пожалуйста, подсчитаем деньги!

– Юля! И когда ты только своему мужу время начнешь уделять? Сбежит от тебя Игорек. Вот я бы уже точно сбежала, – призналась Зинаида, тяжело вздохнув.

Юлька только дернула плечиком и по-свойски влетела в комнату хозяйки.

– Вот, смотрите: это Аленка за косметику написала, тут три триста. А вот это Маринкина запись – кофточки там, юбка. Еще тысяча двести. Затем Ирине за сапожки – пять семьсот, и пальто...

– Сколько-о-о-о? – чуть не рухнула мимо стула Зинаида. – Сколько стоят эти носатые лапти? Пять семьсот? Да сапожкам красная цена – полторы тысячи вместе со мной! Чокну-

лась твоя Ирина, да? На одинокой безработной нажиться хочет? Так, сапожки я не покупаю! – категорично заявила Зинаида, и от обиды у нее задергался подбородок. Она проглотила ком в горле и принялась себя успокаивать: – Ничего, буду в туфельках ходить, у меня еще и резиновые сапоги с юности сохранились, вот чему износу-то нет! А то, ишь, пять семьсот!

Юлька не больно близко принимала к сердцу душевную катастрофу соседки, она терпеливо выждала, когда та на секунду захлопнет рот, и добила окончательно:

– И еще пальтишко – двенадцать тысяч пятьсот. Всего – двадцать два семьсот!

Минуты три Зинаида – не мигая, молча – смотрела на девчонку. Потом попыталась что-то сказать, но рот только беззвучно шамкал. Наконец она выдавила:

– Уйди с глаз моих, садистка! Ничего платить не буду, забирай шмотки!

– Но... Зинаида Ивановна! Ну чего вы в самом деле! Это же не Китай какой-нибудь! Дорогие женщины ходят в дорогих вещах!

– Я не настолько дорогая! – быстро вякнула Зинаида. – И куда твои глаза смотрят – дорогую нашла... Да я лучше повешусь! Надо же, такие деньжищи...

Она вдруг подскочила со стула и понеслась в коридор.

– Неужели и впрямь побежала вешаться? – изумленно вздернула бровки Юлька.

Однако Зинаида и не думала о суициде. Она уже прижимала к уху трубку и кричала на весь коридор:

– Алло, Тань, почему трубку не брала? Я ведь что хотела... А, ты из ванной вылезала, еще не помылась... Чего тебе там мыть-то столько времени, ты же не статуя Свободы, прямо не знаю! А ты завернись в полотенце, если с тебя пена капает, только я не могу перезванивать, забуду, что спросить хотела. А я спрашиваю – у Вадима твоего деньги с собой были? Ну когда, когда... когда на него напали! И сколько? Что, с курткой? А специально не шарили? Лентяи, даже осмотреть человека как следует не могут... Да нет, это я про себя. Все, Танечка, иди мойся, легкого тебе пара...

Зинаида положила трубку и задумалась.

Выходит, у Вадьки деньги были – четыре тысячи на карманные расходы. Но они лежали в куртке. И специально никто к нему в карманы не лез, просто парень потерял куртку, разумеется, вместе с деньгами. Значит, не хулиганы это были... Нет, ну надо же – студентик на карманные расходы запросто таскает с собой четыре тысячи! А тут...

Зинаида вдруг растянула рот в хитрой улыбке и поплыла назад в комнату, виляя домашним халатом.

– Юленька! Я решила, что не буду отказываться от вещей, чего уж там...

– Да и в самом деле! – поддержала ее девушка. – Кто же их за такую цену еще купит? Тем более после вас!

– Да-да, я решила оставить. Но... Знаешь, какая меня идея клюнула? С сегодняшнего дня ваша плата за жилье увеличивается втрое.

– За этот сарай? – выпучила Юлька глаза.

– Но ведь должна же я где-то брать деньги! А ты сама меня научила – дорогие люди должны дорого платить, – растеклась Зинаида в приторном оскале. – А сейчас я хочу побыть одна, ступай, детка.

Детка ступать не хотела, она отвесила губы и теребила подол халатика.

– Ладно, Зинаида Ивановна, я скажу девчонкам, чтобы цены скинули... – проямлила она, – до двенадцати тысяч. Пойдет?

Судя по тому, как легко сбила Юленька чужие цены, Зинаида сообразила, что девица и сама немного желала подзаработать на чужих обновлениях.

– Двенадцать? Пожалуй, пойдет, – согласилась Зинаида и тут же быстро добавила: – Только в рассрочку на полгода!

Юлька ускакала к мужу, а Зинаида принялась накручивать бигуди. Никогда прежде она не спала с такой красотой, но новая работа требовала новых жертв. Уснуть долго не получалось – голова никак не хотела мириться с кочками, везде жало и давило, и только через три часа с кровати несчастной дамы донесся сочный храп.

Ночью ей приснился Большой театр. Зинаида Корытская никогда не бывала в Москве, а уж тем более в Большом театре, поэтому во сне театр был маленький, неказистый, похожий на деревенский клуб, куда маленькую Зину отправляли каждое лето. Однако в зале играла настоящая классическая музыка, тягучая и угнетающая, а на деревянной сцене прыгали настоящие балерины в торчащих колом юбочках. А потом выскочил здоровенный дядька в женских колготках, схватил одну, самую дохленькую балеринку, и стал носиться с ней из угла в угол. Музыка заиграла быстрее, и дядька стал поднимать балеринку, будто штангу. Та извивалась, громко мычала и, по всей видимости, страдала.

– Отпусти тетеньку, гад! – крикнула Зинаида дядьке.

Но «тетенька» обернулась и оказалась Вадькой.

– Чего вы лезете? – недовольно отозвался он. – Я вам вовсе не тетенька! А это и не гад вовсе никакой, а Софья Филипповна!

От одного только имени Зинаида проснулась.

– Надо же... присниться ведь ересь такая... – тряхнула она головой, пытаясь отогнать тяжелый сон.

На улице, прямо под окном, стояла неизвестная машина, и оттуда доносилась классическая музыка, правда, в современной аранжировке.

– Вот паразиты, ни днем ни ночью покоя от них нет, – проворчала Зинаида, укладывая на подушку многострадальную голову.

Теперь сон испарился окончательно, а стрелки часов показывали лишь половину четвертого утра.

– Еще эта Софья Филипповна... С чего это ей вздумалось дядькой мне присниться? – ворчала сыщица. – Татьяна говорила, она маленькая, почти карлик, а дядька такой огромный – одни ручищи, как слоновьи ноги.

Вдруг Зинаида затихла, а потом как была – в ночной рубаше – рванула в коридор.

– Алло! Алло! Таня? – кричала она в телефонную трубку. – Тань, я чего спросить хотела: а как ты узнала, что у Софьи на руке было написано? Она же сгорела!

В трубке долго молчали, потом сопели, потом, очевидно, проснулись, и хриплый голос Боевой произнес:

– Слышь, Зин, у тебя соседей-мужиков поблизости нет?

– Есть... Игорь за стеной. И подо мной бугай какой-то живет, – растерянно ответила Зинаида. – А что случилось-то?

– Ты, Зин, сходи к этому Игорю, долбани ему в двери и крикни, что он козел. Может, он тебе лицо набьет. А нет, тогда бугая обматери. Должен же кто-то тебя отчихвостить, чтобы ты народ в такую рань не будила.

– Ну, знаешь... С чего это я мужиков будить пойду? Ты вообще знаешь, сколько времени?

– Я как раз про время и говорю, – зевнула в трубку Боева. – Иди, спи, а? На работу же к десяти. Я тебе адрес Софьиной дочери дам, сама сходишь и спросишь.

Больше Татьяна говорить не стала, а попросту бросила трубку. Зинаида поплелась к себе, попыталась уложить голову на бигуди, но потом в сердцах плюнула и стала сдирать парикмахерские орудия пыток, бормоча:

– Да пропади ты пропадом, такая красота!

Затем, раз сон сбежал куда-то, она решила не тратить драгоценного времени даром, а обдумать, что же следует спросить у дочери потерпевшей. Однако обдумывать долго не удалось

– лишь только облегченная голова Зинаиды коснулась подушки, как тут же женщина провалилась в сон.

На работу Зинаида вспорхнула легкая и свежая, будто утренняя капуста. На ней красовались новые сапоги, новое пальто поднимало настроение, а духи, которые навязала Аленка, мгновенно довели окружающих до кашля.

Татьяна уже была за стойкой.

– О! А у тебя распашонка новая! – вздернула она брови вверх. – Где взяла? Нашла?

– Ага! – передразнила Зинаида. – Нашла! За двадцать три тысячи!

– Надо же, совсем даром. А чего, Китай, что ли?

Зинаида готова была разорвать подругу – чтобы за двадцать три какой-то Китай?

– Ты, Таня, совсем в вещах не разбираешься, да? Смотри! – Она нащупала ярлычок на пальто и, неудобно извернувшись, стала тыкать кусочек ткани Боевой в лицо. – Вот, читать иностранному умеешь? Видишь – «Пума»! Америка, значит. Слышала такую фирму?

Татьяна со знанием дела разглядывала ярлык, а Зинаида терпеливо ждала, застыв в позе статуи «Женщина, метаящая диск».

– Это не «Пума» американская, а «Рима», ты по-русски читай. Наша фабрика, на правом берегу. Между прочим, наши конкуренты, – рассмотрела Татьяна бирку и уперла руки в бока. – Чего это ты чужеродную продукцию на себя нацепила, да еще деньги им платить надумала? Где патриотизм?

Зинаида пригляделась. И в самом деле «Рима». Черт, надо же, какая неприятность... Она быстренько скинула пальто и решила увести тему в другое русло.

– Тань, я вот все думаю, а почему милиция уже наутро к Софьиной дочери заявила? Откуда она знала, где дочь живет? Нет, они бы, конечно, узнали, но ведь не сразу же, а?

– Зина, я тебе адрес дочери дам, а там...

– И еще – вот ты сказала, что на руке Софьи Филипповны тоже надпись была. А как ее прочитали? Женщина-то сгорела...

– Я говорю – дам тебе адресок дочери! – не выдержав, взревела Боева. Но потом сообразила, что орать на спасительницу сына не совсем вежливо, и добавила: – Зин, видишь, в холле мужик толстый? Это наш посетитель. Да не простой, а с переподвывертами. Нам надо все внимание ему уделить, а ты меня отвлекаешь. Давай поговорим позже.

В бар и в самом деле входил мужчина. Окинув рассеянным взглядом заведение, он вдруг открыл рот и пронзительно заверещал:

– Со-о-о-оль, Танечка, дайте мне со-о-оль!

Зина кинулась за солью и величаво преподнесла своему первому посетителю маленькую солонку в виде хорошенького поросенка. Она даже немного присела, будто бы в реверансе, но ее старания не заметили.

– Вы надо мной посмеялись, да? – вдруг налились самыми натуральными слезами глаза писклявого толстяка. – Я вас соль попросил! Со-о-о-ль! А вы мне свинью подкладываете! Кто здесь работает?! Где Татьяна? Татьяна! Эта бестолочь у вас новенькая, что ли?

– Какая бестолочь? Эта? Новенькая! – тут же подскочила Боева. – Видите ли, Аркадий Валерьевич, я ей про вас рассказывала, но она ни разу вас не видела, не понимает вашей тонкой натуры. Но мы все исправим!

Зинаида изумленно смотрела, как Татьяна козочкой прыгала возле посетителя, щебетала, щебетала, а потом вдруг и вовсе – задрала голову вверх и взвыла:

– А-а-а-а-а! Ммо-о-о-о-о! Мм-ы-ы-ы-ы!

Толстяка это нисколько не смутило. Напротив, он плачевно уложил брови домиком, закатил глаза и тонюсенько поддержал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.